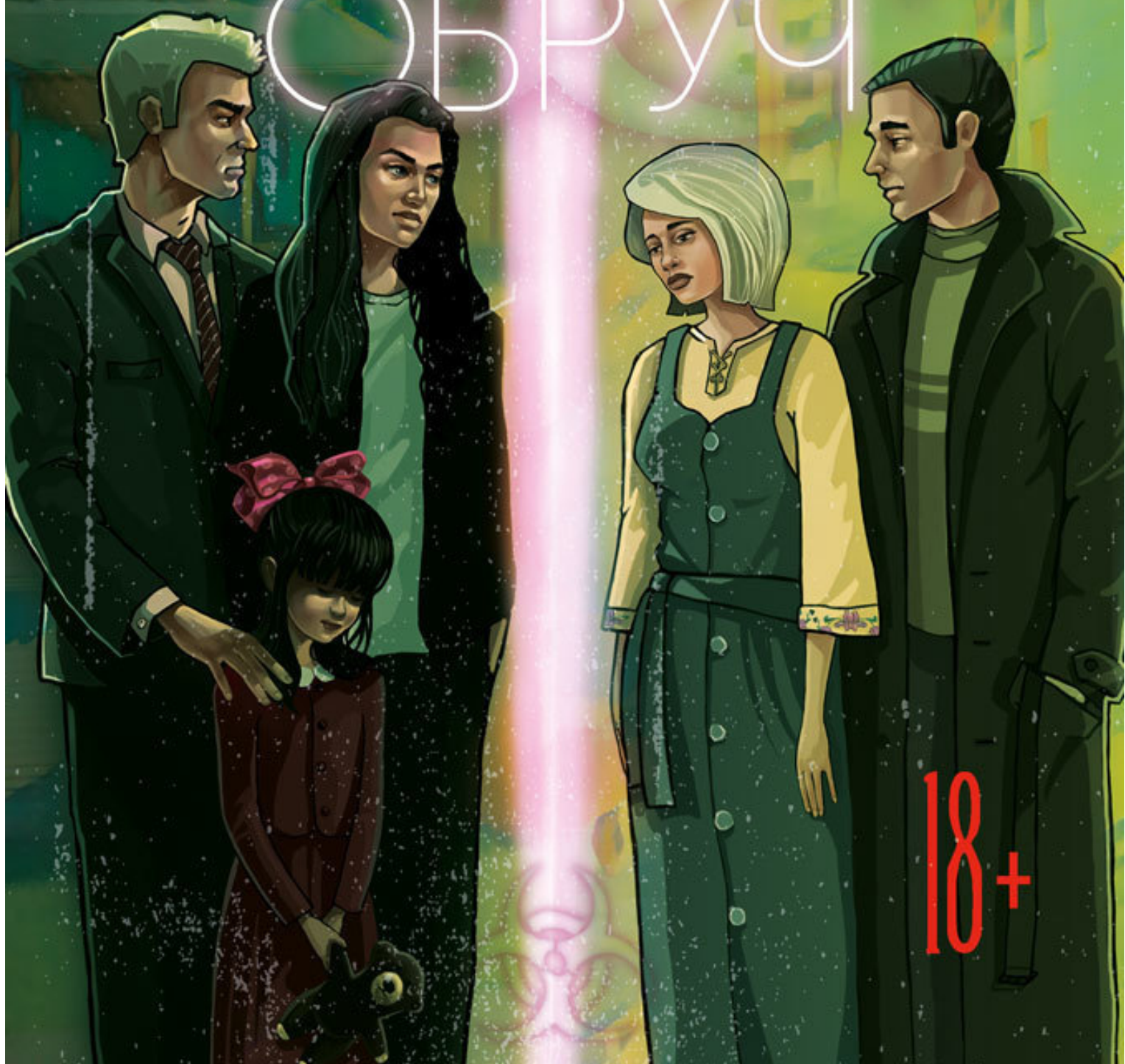

МИХАЭЛЬ КОСАНИК

РОЗОВЫЙ
ОБРУЧ

18+

Михаэль Косаник

Розовый обруч

«Эдитус»

2020

Косаник М.

Розовый обруч / М. Косаник — «Эдитус», 2020

ISBN 978-5-00149-406-5

В этом будущем нет звездолетов, нет роботов и ИИ, нет кодирования генов. Столкнувшись с пандемией неизлечимого вируса, пережив мировую войну и последовавший за ней топливный кризис, человечество утратило многие былые технологии, откатившись назад до уровня конца 20-го века, и вынужденно разделилось на три пола. Теперь, помимо мужчин и женщин, есть эно, интерсексы, частично заменившие женщин. Вот только все ли так гладко в новом обществе? Научились ли люди жить в мире и гармонии? Усвоили ли уроки прошлого? А главное что сдерживает новую пандемию вируса, грозящего уничтожить за одно-два поколения и без того сократившееся население? На эти вопросы предстоит ответить трем наблюдателям: отцу больной девочки, психологу, работающему на Защиту Семейных Ценностей и волонтеру, столкнувшемуся с суровой реальностью. История жестокого мира, в котором все еще теплится любовь, существующая не для, а вопреки.

ISBN 978-5-00149-406-5

© Косаник М., 2020

© Эдитус, 2020

Содержание

Арка I. Событие	5
Глава 1	5
Глава 2	9
Глава 3	19
Арка II. Появление	29
Глава 4	29
Глава 5	33
Глава 6	44
Глава 7	49
Арка III. Первые трудности	53
Глава 8	53
Глава 9	58
Глава 10	62
Конец ознакомительного фрагмента.	66

Михаэль Косаник

Розовый обруч

Арка I. Событие

Глава 1 Происшествие

Эрик.

Вода шумела уже час. Это настораживало. Раньше дочь не запиралась в ванной на такое долгое время. Тем более в будний день.

Утро начиналось как обычно: мы позавтракали, обсудили планы на предстоящий день. Муж (мы не оформляли официального брака, но сначала в шутку, а позднее по привычке стали так называть друг друга мужьями) хотел отоспаться после тяжелой изнуряющей недели, дочь собиралась на переэкзаменовку. За завтраком мне показалось, что дочь подавлена. Я знал, что Рина набрала очень слабый балл за последний тест по истории. Предмет не давался ей, как она ни старалась. У нее не получалось делать выводы, не получалось рассуждать и свободно оперировать фактами. Максимум, что ей удавалось, – зазубрить даты и основные события из методички перед экзаменом. Иногда помогал я. За это ставили оценки от «С» до «В». Выше последней не оценивалась ни одна контрольная дочери. И даже ради этого достижения Рина не спала несколько ночей над учебниками и дидактическими материалами.

Может, она из-за этого расстроилась? Раньше вроде по этому поводу не так и переживала. «С» в любом случае – не так и плохо: это не «F». Таланты дочери тоже простирались в совсем другой сфере. С раннего возраста она любила петь, а во втором классе начала рисовать. Ей вполне было достаточно получать минимальные баллы по основным предметам. А по профильным проблем никогда не возникало.

Может, опять какие-то проблемы с одноклассниками? Такое уже было, и этого мы с мужем боялись больше всего. Но друзья дочери ничего нам не говорили, а они первыми пойдут жаловаться, если нашего ребенка будут обижать. Она ведь ничего не скажет до самого последнего момента, когда скрывать и врать будет бесполезно.

Как только дверь закрылась, минут двадцать ни я, ни мой партнер не обращали внимания на звук, доносившийся из ванной, занимаясь своими делами: убирали посуду в мойку, проверяли сумку дочери, не забыла ли она чего, а мне нужно было одеться перед уходом на работу. Но шло время, и нас насторожило, что шум все не прекращался.

– Рина, в школу опоздаешь! Опять ругать будут, – постучал муж в дверь ванной комнаты.

Я все ещё предполагал, что Рина расстроена чем-то и не хочет нам об этом рассказывать. А водой просто заглушает свои всхлипы. Ей тринадцать, и подобное – в порядке вещей. Подростковый бунт этого возраста мы старались воспринимать как нечто само собой разумеющееся.

– Рина? – Адриан после третьей попытки достучаться до дочери начал переживать: – Тебя ребята ждут! Ты ведь не забыла?

По дороге в школу Рину обычно встречали два закадычных друга, и вместе они обсуждали уроки или сериалы. Иногда ребята давали нашей девочке списать что-то по общим предметам. По крайней мере если вопросы совпадали. Адриан стучал все настойчивее. Это насторожило уже и меня: не слышать Адриана Рина не могла, даже несмотря на шум воды. Пока

муж пытался достучаться, я поправлял галстук перед зеркалом в гостиной. Привычка выверять даже самые незначительные мелочи в одежде осталась у меня с детства. Да и в жизни она мне много раз пригождалась. Опрятного вида помощник прокурора всегда в суде вызывает больше доверия, чем эдакий неряха. Последнего вообще проводят из зала суда косыми взглядами, хотя вслух ничего и не скажут. К тому же, в отличие от Адриана, мой рабочий день только начинался, и мне не хотелось опаздывать.

– Рина?! – после того как Адриан окликнул дочь уже в пятый раз, он начал не на шутку волноваться: – Эрик, где ключи? – наконец последовал вопрос.

Когда дом был приобретен, нам выдали один комплект, которого не хватило. Пришлось обращаться в мастерскую, где перепутали заказ и вместо одной копии сделали четыре. Мы хранили лишний комплект на крайний случай, ведь никто не застрахован от потери. Как же хорошо, что они у нас были! Теперь и мне пришла мысль, что Рина потеряла сознание и ей срочно нужна помощь. Такое раньше уже было, но дочь не заперлась, и удавалось купировать приступ или отвезти ее к врачу.

– Где и всегда. Посмотри в ящике.

Я сам подошел к двери в ванную:

– Рина? – все также слышался только шум воды.

Дальше все произошло столь быстро, что я даже не успел опомниться: Адриан достал ключи, открыл дверь и... Мы застыли от увиденного. Никогда бы не подумал, что мир в мгновение ока сузится до одной комнаты и происходящего в ней.

Напротив раковины стояла наша дочь. По ее рукам стекали небольшие капли крови. По испачканной красными следами раковине и россыпи темно-красных крапинок на полу мы догадались о произошедшем. От увиденного внутри все сжалось. В состоянии шока сознание выдало мысль, что у Рины начались приступы ее болезни и она, испугавшись, заперлась, не сказав нам ни слова. Но мысль быстро погасла: на краю раковины лежал канцелярский нож! Тоже весь в крови. Да и раны, насколько я успел рассмотреть, не походили на язвы или некроз.

Следом появилась идея о попытке самоубийства. Но почему? Ни я, ни моя пара и помыслить не могли о подобной попытке! Да и каков мотив? Не бывает, чтобы человек вот просто так решил уйти из жизни, каким бы пессимистом он ни был! К тому же самоубийство – это грех, и Рина это прекрасно знала...

Адриан пришел в себя от шока первым. Кинулся к дочери, перехватив изуродованные ручонки. Я сморгнул и увидел, как он быстро достал из верхнего шкафчика эластичные бинты и стал заматывать ими руки дочери, что-то тараторя.

В спешке он уронил с полки, где лежали лекарства, несколько пузырьков. Раздался звон разбитого стекла. От удара один из флаконов раскололся, отчего в нос сразу ударил кислый запах перекиси водорода, смешавшейся с кровью.

– Господи, Рина! – только и мог выдать Адриан, убедившись, что наложил жгуты и перевязал все раны. Он крепко обнял дочь, пытаясь успокоиться сам. Мы оба не на шутку испугались. Да и готовы к подобному не были.

– Зачем? – придя в себя, я подошел к Адриану и дочери.

Мне с трудом удалось сформулировать даже этот вопрос. Уж слишком неожиданными оказались действия Рины. Дочь безразлично пожалала плечами, слегка высвободившись из объятий. В эту минуту я увидел ее жуткий, немигающий взгляд и странное выражение лица. Это не была безэмоциональная маска. О нет. Эмоции в это мгновение переполняли ее худенькое тельце и неокрепшую душу! Создалось ощущение, будто нанесение ран в порядке вещей и подобное делалось и раньше. Снова внутри закопошились мотыльки. Хотя может это были опарыши, что лакомились мертвечиной души?

Мне доводилось видеть подобный взгляд: моя работа связана с преступностью, и я общался с разными людьми. Но это был взгляд взрослого человека! Никак не маленькой

девочки! Взгляд человека, попавшего в опал, когда уже нечего терять! Взгляд, говорящий: «Пусть мир летит к чертям!»

Я осторожно взял руку дочери и осмотрел бинты, сквозь которые проступили небольшие пятнышки крови. Перевязать пришлось почти всю руку до самого плеча. Чуть ли не до края закатанного рукава пижамы. Мда, хорошо постаралась! Единственное, что точно немного успокоило меня: судя по проступившим следам, раны наносились горизонтально...

«Это не попытка самоубийства!» – снова успокоил себя я, стараясь не выдать волнения. Затем попробовал ощупать руку и понял, что раны достаточно глубокие, несмотря на то, что сделаны были обычным канцелярским ножом. От каждого такого прикосновения Рина слегка дергала носом, видимо, от боли.

– Иди в свою комнату! – наконец сказал Адриан, отстранив дочь и окончательно придя в себя: – Не знаю, зачем ты это сделала, но это неприемлемо! Не смей вытворять подобное! – хоть в голосе звучала строгость, но я понимал: от волнения подобное едва ли звучало убедительно. Самое жуткое: ни я, ни мой партнер не понимали мотивов поступка нашего ребенка.

Рина ещё раз пожалала плечами и, спустив рукава, ушла к себе, закрыв дверь. Хорошо, не заперлась снова в ванной. По крайней мере, за хлопком двери звука щелчка не последовало.

Адриан провел рукой по длинным волосам и вопросительно посмотрел на меня: «Что мы будем делать?»

– Надо обратиться к врачу, потом к психологу, – спокойно заметил я. Паниковать было поздно: все уже произошло. – Ты сможешь без меня? – нужно было действовать, а не ждать и надеяться на то, что этот случай единичный.

Муж кивнул, понимая, что сегодняшний день будет весьма и весьма тяжелым. Выспаться ему точно не удастся, и вместо отдыха придется провести весь день в госпитале в попытках разговорить дочь. Я к месту вспомнил высказывание о том, что «у родителей нет выходных».

Как реагировать на произошедшее, мы не знали. Подоплека поступка неизвестна, мотивы мы с трудом могли представить, а ведь без мотива подобного просто не могло произойти. Но что-то явно вело Рину к такому решению. Она не могла придумать подобного от скуки или из праздного любопытства: за дочерью подобного не водилось. Чем больше я думал над случившимся, тем больше убеждался, что у такого поступка должен быть мотив. Ища логику в произошедшем, я вначале решил, что дочь так хотела прогулять школу. Но этот мотив пришлось отмести почти сразу: ввиду болезни Рины я точно это знал. Рина тоже. Следовательно, отпадает. Да и толку? Контрольную бы пришлось писать в любом случае. Рано или поздно.

Весь оставшийся день прошел для меня скомкано и сумбурно. Я пытался погрузиться в работу, но у меня никак не получалось. Просматривая материалы очередного дела, мыслями постоянно возвращался к поступку Рины. Думая над произошедшим, чуть не спутал папки с делами и не отправил доказательства по одному делу совсем на другое заседание. Судью бы шокировало подобное: на гражданское заседание поступили материалы по уголовному делу. Хорошо, заметил ошибку, прежде чем передать папку коллеге.

И все же я никак не мог понять зачем. Почему именно сейчас? Что таким поступком она хотела сказать? Чем больше я задавал эти вопросы, тем меньше понимал происходящее. Ну не могла девочка в одночасье решить начать вредить самой себе! Да и боль от ран – вещь весьма и весьма неприятная. Вспомнился афоризм на латыни: *Non numerada, sed ponderanda argumenta*, что означает: «Доказательства следует не считать, а взвешивать». Но, взвешивая все возможные варианты, приведшие к подобному поведению, я все равно не находил ни одного вразумительного ответа на свои вопросы.

Вечером дома я тоже не получил никаких ответов. Адриану так и не удалось разговорить Рину, как он ни старался. А у него всегда получалось разговорить ее за чашкой какао или просмотром любимого сериала.

До недавнего времени мы старались поддерживать дочь во всем, и действия дочери говорили, даже кричали: произошло что-то из ряда вон. Теперь я был на все сто уверен – без помощи психолога не обойтись!

Дочь, как и утром, продолжала сохранять полное безразличие ко всему, происходящему вокруг. Она отказалась смотреть любимое шоу, уйдя в комнату сразу по возвращении из клиники. К вечеру ни силы, ни аппетит к ней так и не вернулись: недолго посидев с нами за столом, пока мы ужинали, Рина ушла вновь в свою комнату, ничего не съев. Даже от десерта отказалась.

И вот мы остались одни. Стол в кухне располагался достаточно далеко от детской. Мы могли спокойно поговорить, не боясь, что нас подслушают. В этот момент Адриан рассказал, что во время посещения больницы «Эверплейс» сделал очень неприятное открытие... Когда врач снял бинты для осмотра ран, стали видны следы старых шрамов. Рубцы, которые в панике ни я, ни мой партнер не заметили утром. Значит, все же Рина и раньше проделывала подобное! Моя догадка верна! Муж не стал описывать увиденное, хотя я понимал: Рина хорошо поработала ножом. Скорее всего, эти шрамы останутся у нее на всю жизнь.

– Мне посоветовали психолога, специализирующегося на похожих случаях, – нервничая, сказал любимый, протянув мне лист из блокнота. – Я договорился о встрече на завтра. У тебя же выходной.

Перекладывать общение с психологом, который, возможно, работает с Защитой семейных ценностей, на меня – идея ещё та. По документам Рина для меня – чужой человек, и это быстро всплывет. Сразу возникнет множество вопросов, на которые будет трудно дать более-менее адекватные ответы. Но в силу случившегося я только и мог что согласиться.

Обняв Адриана, попробовал утешить его. Муж очень боялся посещения специалиста. Я мог его понять. После последней встречи с представителем Защиты семейных ценностей, который намекнул, что знает нашу тайну и рано или поздно у нас не останется никакого выбора, я бы и сам не пошел.

– Все будет хорошо, – осторожный поцелуй в щеку. – Мы справимся.

– Угу, – грустное согласие и поникшие плечи говорили сами за себя.

– Не верю, что наша девочка это сделала без причины! – оставалось добавить для ободрения: – Сам ведь знаешь, Рина – веселая песня.

Незаметно для себя мы переместились в нашу спальню. Усевшись на край кровати, мы ещё долго просто сидели, обнимая друг друга. Думать о случившемся оказалось крайне трудно. Предстоящая встреча со специалистом представляла для нас не меньшее испытание. Мы привыкли, что органы ЗСЦ последнее время сильно следили за нами. Поводов им хватало: официально в браке не состоим и считаемся неблагополучной семьей, которую не сегодня-завтра поставят на учет. К счастью, пока нас защищала конституция, дающая право на частную жизнь. Так удавалось отбиваться от нападков. К тому же доказательства «защитникам» собрать не получалось. Оставалось только надеяться, что психолог и в самом деле мог понять нашу ситуацию.

Глава 2

Психолог

Лео.

Осенний день играл своими блеклыми красками. Мазки разноцветных листьев, серое небо, скрывшее солнце, запах сырости в воздухе – все это сопровождало меня в моем ожидании.

Впереди виднелась сетка забора, отгораживающая шпалы от прилегающей территории и города, да несколько крыш складов и магазинов. Позади все так же отделенные забором стояли раскидистые массивные деревья. Их влажная листва играла яркими желтыми, красными и коричневыми красками. Я стоял на перроне станции, пытаюсь укрыться под козырьком между двумя пыльными светильниками и табличкой с надписью «Брумалтаун», свисавшими с него. Очередная сигарета тлела в моих руках, рассеивая сизый дым. Я курил, когда нервничал.

Промозглый день, наполняя нутро холодом, заставлял меня искать способы согреться. Я кутался в плащ, но только дым от сигареты согревал, ударяя в нос запахом табака. Хотя сейчас моя вредная привычка пригодилась. И все же стоило быстрее выбросить окурки, пока мимо не пройдет охранник или контролер, готовый выписать штраф за курение в неположенном месте. Хорошо, перрон пустовал в ожидании поезда.

Докурив, воровато осмотрелся по сторонам – не идет ли кто – и быстро швырнул бычок на рельсы.

«Уф, не заметили», – выдохнул я с облегчением. Штраф в сто долларов платить не хотелось.

В этом году моя семья впервые за долгое время собиралась вместе. Последней приезжала Юнис, самая младшая из нас четверых. Это волнительное событие и заставило меня отправиться на встречу столь редкой гостьи в этих краях.

Поезд прибывал с опозданием на несколько минут, что давало возможность немного подумать о своих проблемах. Вот уже неделю Защита семейных ценностей требовала от меня отчет. Я же не торопился, давая понять: и без этой бумажной работы полно дел. Сроки с каждым днем поджимали, а сверху документов требовали все настойчивее. С безликой бюрократической машиной бороться никак не получалось, и я просто делал вид, что крайне занят. В любом случае меня мало касались все эти бумажки. Моя работа – консультирование. И наверху это знали не хуже меня.

Наконец вдалеке показался нос поезда, маяча теплым желтоватым светом фар. Обычно в такое время всю округу окутывал туман, но, к счастью, воздух был кристально чистым, давая возможность насладиться осенью до прихода в эти края дождей. Я вздохнул, понимая, каким будет сегодняшний вечер.

«Хорошо, что смогла приехать. Без нее был бы настоящий кошмар», – подумал я, глядя на прибывающий состав.

Поезд остановился с громким лязгом, открыв свои двери. Он казался совсем чуждым этому месту: массивный, угловатый, с огромным колоколом между крошечными окнами кабины машиниста. Из вагона раздался глухой звук динамика, оповестивший пассажиров о наименовании станции.

В отличие от старой деревянной станции, доски в полу которой скрипели, исполнин фиолетово-оранжевого цвета с символом железной дороги выглядел новым. И пусть состав покрывала пыль, а сам поезд походил местами на консервную банку с рельефом и вставками из обычного металла, где сквозь краску проступала коррозия. Это нисколько не умоляло его новизны, относительно видавшей виды деревянной платформы.

Стоило дверям открыться, как из вагонов стали торопливо выходить люди. Были среди них местные, вернувшиеся с работы и туристы, желающие увидеть городок, о котором ходили легенды. В этой небольшой мозаике я выцепил взглядом знакомую фигуру.

– Меня не нужно встречать, Лео! – недовольно заметила Юнис, подойдя ко мне. – Я уже давно не маленькая девочка!

Несмотря на недовольство, вид сестры говорил об обратном. Она явно радовалась заботе с моей стороны. Как только Юнис подошла, я сразу ощутил сильный запах духов. Видимо, за ним она хотела скрыть усталость от поездки и волнение, с которым ждала встречи. Я же не посмел раскритиковать этот удушающий и безвкусный запах. Отметив, что сестра с дороги, а под ее глазами предательской сеткой раскинулись морщинки и отеки, я быстро махнул рукой:

– Идем. Нас уже все ждут.

Мы спустились по деревянной лестнице, отозвавшейся едва уловимым скрипом, и прошли мимо нескольких магазинчиков.

Железная дорога проходила за ними, огибая самый бедный район города. Не удивительно: город располагался достаточно далеко от крупных шоссе и трасс. Львиная доля поставок – что раньше, что сейчас – производилась на поездах. Потому-то станцию и отстроили в промзоне ещё во время реконструкции города.

Сев в старый автомобиль, мы направились в сторону родительского дома. Наш район, располагавшийся на северо-востоке, считался престижным. Достаточно далеко отсюда. Путь предстоял через весь городок. Отъехав от станции, я заметил ностальгию в глазах младшей сестры. Юнис почти не бывала в Брумалтауне, живя со своей семьей на другом конце страны. Ее доход был невысок, и она не всегда могла приезжать на вот такие семейные встречи, ограничиваясь зачастую звонками один или два раза в неделю. Более того, пусть и небольшая, но все же «семья» требовала от сестры много сил.

Юнис не могла порой справиться со своей своенравной и бойкой дочкой, что только прибавляло ей проблем. Шумная, озорная, словно в своих дядю и тетю, Поппи временами безобразничала в школе, устраивала розыгрыши, порой весьма обидные, и даже пару раз срывала уроки. Никакие увещания не действовали, и Юнис временами просто смотрела на действия дочери сквозь пальцы.

Отец Поппи в воспитании дочери почти не участвовал, предпочитая работу семье. Юнис оправдывала это дорогим жильем и большими расходами, но я понимал, что это не совсем так.

Нет, я не спорю, Ноэл любил Юнис, но с годами эта любовь стала превращаться в рутину для обоих. В их отношениях погасла былая искра. В итоге все хозяйство и дочь держались на плечах сестры. Грустно, что от этого ее таланты пропадали даром. Она ведь не менее способный психолог, чем я. Об этом и отец говорил в свое время. Но я не был отделом по урегулированию семейных конфликтов и вмешиваться в ее жизнь не хотел.

Поездка до дома родителей тоже оказывалась длинной и изматывающей: долететь на самолете, а потом пересесть на поезд. На все – около шести часов. Вот Юнис и появлялась в родных пенатах¹ крайне редко.

Пока мы ехали, я сам невольно вспоминал историю этого места, ставшего для нашей семьи домом. Я ведь помню, как мы переехали сюда во время реставрации.

Сколько я помню, городок Брумалтаун никогда не отличался большими размерами. Образованный вокруг деревообрабатывающей фабрики в начале века, он едва мог похвастаться статусом города в те годы. Населения тогда было от силы две тысячи человек, и все из них были рабочими этой самой фабрики, да еще их семьи, не побоявшиеся переехать в лесную глушь. До войны об этом городке почти никто не знал. Даже названия не удосужились придумать.

¹ Пенаты – в древнеримской мифологии боги – хранители и покровители домашнего очага. – Примеч. ред.

Все изменилось после Мировой химико-биологической войны, разразившейся в 2042 году. Конечно, она началась не на пустом месте и до нее происходили локальные гражданские войны – как в этой некогда единой стране, так и во всем мире. Тогда бомбардировки прошли по всей земле. Ни одна страна не уцелела. Каждое мелкое государство старалось лишить противника как пригодных для жизни земель, так и возможности использовать природные ресурсы из-за загрязнения территории. Выбор оружия тоже не случаен: речь шла не о тотальном уничтожении, как в случае ядерных бомб и массовом вымирании, а лишь о потере ресурсов, которые в обозримом будущем будет возможно аннексировать и использовать. К сожалению, этот расчёт оказался в корне неверным.

Во всех учебниках истории говорилось, что после 2042 года окончательно рухнула экология Земли, мутировали множество видов животных, а пригодная для жизни человека территория сократилась почти на четверть. Да и эти земли приходилось отстаивать, ведь мутировавшие животные регулярно искали пропитания в местах обитания людей.

Особенно быстро распространились кошкобелы. Мелкие хищники, принимаемые издали за белок из-за соответствующего хвоста и серо-рыжего окраса. С ними и сейчас беда, а раньше даже отлов и стерилизация не спасали от их нашествия! Не говоря уже об отстреле, санкционированном правительствами. Они расплодились почти по всему миру, хоть и появилась эта мутация где-то в Северной Европе. Экспорт сделал свое дело – и привезённые несколько особей быстро наплодили огромную популяцию, тем более что тут не так и много хищников, готовых питаться подобной живностью.

Кто был прародителем этого существа, неизвестно, но явно кто-то из кошачьих, от которых зверьки унаследовали строение пасти, огромные желтые глаза, светящиеся в темноте с вертикальными узкими зрачками, и тип питания. В остальном они походили скорее на грызунов с их маленькими острыми ушками, когтистыми лапками и умением быстро передвигаться, нежели на хищников.

Конечно, определенная польза от этих синантропных зверьков была: они истребляли насекомых, мелких грызунов и других неприятных вредителей, но и минусов хватало: будучи истинно синантропными, так и не ставшими домашними, они регулярно разносили заразу, что губило посевы, а если прибавить, что кошкобелы временами разворовывали скотомогильники, то и для скота они иной раз представляли нешуточную опасность, заражая поголовье.

Из-за этого начался новый виток голода, о многих производствах и технологиях пришлось забыть. Исчезло производство пластика, который заменили биоразлагаемые аналоги. Но и они имели свои лимиты, ведь для выращивания все тех же водорослей, картофеля и маиса, пригодных для создания сырья, требовались как ресурсы, так и земли. А последних не хватало. По сути, человечество во всем мире вынуждено было выбирать: оставаться хоть немного сытым или же производить товары, потребление которых в новых условиях и так сводилось к минимуму. И хотя все же биоаналоги пластика позволили не забыть часть технологий, таких как мобильные телефоны, компьютеры и даже фотоаппараты. Их потребление стало постепенно снижаться. Да и цены на подобные вещи существенно выросли, дабы снизить спрос.

В связи с разрухой, экономическими изменениями, миграцией выживших людей из уничтоженных войной городов некогда целостная страна окончательно разделилась на два независимых государства: Северные Штаты Америки и Южную Независимую Конфедерацию.

Разъединению способствовали историческое и географическое разделение, нежелание объединять скудные ресурсы (южанам не понравилась идея социальных льгот, принятые севером с оглядкой на Европу) и даже волеизъявление самих граждан: Конфедераты оставались консерваторами, в то время как в Северных Штатах преобладал либерализм, позаимствовавший некоторые нормы из европейского социализма, пусть и не все.

Если подумать, то это совсем не уникальный путь: почти все страны из прошлого так или иначе изменились: вместо России на карте возникло новое государство – Союз Советских Ком-

мунистических Республик, куда вошли почти все восточные страны, такие как Индия, Китай, Корея и Япония (последняя с оговорками на определенный суверенитет), а так же несколько стран бывшей Восточной Европы; на смену Европейскому Союзу пришли Объединённые Британские Острова (куда вошли Британия, Шотландия и Ирландия), Содружество Скандинавии (к ним примкнули, как ни странно, и Франция с Канадой – видимо, прежний политический строй сыграл свою роль) и Римское Государство, в которое вошли Южная Америка почти в полном ее составе и множество разрозненных мелких стран, так и не пожелавших объединиться во что-то.

Понимая, к чему подобное нестабильное положение может привести вновь, правительства всех стран восстановили работу Организации Объединенных Наций. Только название сменили – Союз Объединенных Наций, подчёркивая, что весь мир объединён горестным периодом с 2034 по 2042 годы. А в 2043 году, когда едва не случилась новая локальная война из-за вторжения Испании во Францию, СОН приняли доктрину Олдмана. Согласно ей, следовало тотальное разоружение, запрет на производство, разработку и внедрение, а также утилизация уже имеющегося оружия в период с 2043 по 2045 годы. Также доктрина запрещала любые виды армий, дабы избежать новых локальных стычек.

Конечно, не все государства хотели подписывать подобный документ и ратифицировать его. Прошли и волнения, и забастовки, особенно в Южной Конфедерации, где оружие даже после войны свободно продавалось любому желающему. Тем более что во время Мировой войны юг смог сделать своей колонией территорию Саудовской Аравии, свергнув монархию.

Вот только голод и разруха сделали свое дело – и хоть и последней, но ЮНК подписала и ратифицировала доктрину на своей территории. Сказались экономические санкции, принятые в отношении Конфедератов СОН.

Так Союз Объединенных Наций взял на себя роль посредника во всех внешнеполитических отношениях стран. После войны правительства многих стран стали практически номинальными. Фактически ни у кого из президентов, монархов или других назначенцев, кроме СОН и ЗСЦ (последние и вовсе существовали во всех странах в том или ином виде), власти не осталось.

У доктрины был и «побочный» эффект: она забила последний гвоздь в крышку гроба научно-технического прогресса. Любая технология, потенциально способная использоваться в качестве оружия, теперь очень жестко контролировалась (даже ограничили доступ во всемирные Сети и базы данных, которые еще в начале прошлого века объединили человечество). Единственные разработки, которые не попадали под столь жесткие санкции, – в сфере репродуктивной медицины. Если оглянуться назад, становится понятно, что на развитие техники куда больше повлияли война и разруха: люди сами отказались от последних достижений прогресса в угоду выживанию и сытости. Хорошо, что удалось сохранить хотя бы часть прежних изобретений и технологий, что облегчали жизнь. Если сравнить уровни технического развития прошлого и нынешнего времен, получалось, что этот уровень упал примерно до первой декады двадцать первого века, пусть и с некоторыми оговорками в виде остатков технологий и замены одних другими. Что ж, могло быть куда хуже...

После окончания войны правительство Северных Штатов приняло решение о восстановлении старых и забытых городов. И, хотя этот шаг был экономически рискованным, идею поддержали и конгресс, и само население, готовое работать почти на износ. К тому же, чтобы хоть как-то стимулировать граждан, правительство обещало помочь с уплатой налогов, а также со льготами на обучение и приобретение некоторых продуктов питания.

Еще один виток популярности городку принесла история семьи Грас. Еще бы, рассказ о совсем юной девушке, пережившей множество страданий в силу неизлечимого заболевания, никого не оставил равнодушным.

Тогда не так много людей знали правду о том, как же поступают с носителями вириона Мехони, и для общественности стало шоком, что их, по сути, отправляли в концентрационные лагеря смерти.

Из дневников Эммы и интервью одного из кураторов подобного заведения стало известно, что так называемые приюты святой Елены существовали как минимум тридцать лет.

Из-за огромного общественного резонанса Союзу Объединенных Наций пришлось признать право на жизнь и свободу больных МН 118, как его официально называют. Не прошло и года с обнародования дневников, как приняли Резолюцию Грас и Конвенцию по защите больных вирусом Мехони.

Так, в обществе начали муссировать очень краткие сведения о природе вируса, что, вкупе с растиражированной историей «несчастной девушки» позволило обывателям смириться с постоянным числом больных. Если обратиться к официальным источникам, то во всем мире насчитывалось около тридцати миллионов больных МН 118 женщин. Это примерно три процента от всей мировой популяции. Не много, на первый взгляд (тем более что в Северных Штатах процент был еще меньше от доли женского населения). Но и не мало. С учетом, что на два с половиной миллиарда мужчин приходился лишь один миллиард женщин. В Северных Штатах получилась цифра примерно равная полутора миллионам больных.

И хотя широкой общественности по-прежнему не раскрывали полной информации ни о вирусе, ни о его влиянии на общество, ни тем более о фактических способах контроля численности больных, пресытившиеся информационным мусором, люди считали свои знания достаточными.

Остаток своей жизни Эмма прожила в Брумалтауне. Она не любила распространяться о том, где жила со своей семьей, желая провести остаток дней в покое. Но слухи про Брумалтаун все равно ходили по стране, прославив городок на уровне местного фольклора.

Хотя достопримечательностей здесь было немного: дом семьи Грас, ставший музеем, небольшой планетарий, да памятник солдату МакКирби, спасшему автохтонов от нашествия оккупантов с юга², но редкие туристы ежегодно навевались посмотреть на «городок из истории про Эмму».

Кто-то приезжал из других стран, чтобы удовлетворить свое любопытство: правда ли городок столь страшен, как его иногда описывали в городских легендах жители более крупных соседних городов. Но иностранных туристов было гораздо меньше по сравнению с жителями Северных Штатов или диксилендовцами.

– Как Поппи поживает? – спросил я, вспомнив бойкую и озорную племянницу.

– Хорошо, – улыбнулась Юнис, продолжая смотреть в окно.

Перед ее глазами мелькали пейзажи детства. Центральная площади, маленькие улочки и низенькие домики максимум в пять этажей пробуждали у Юнис теплые воспоминания, хоть она и бывала в городке совсем редко. Ее детство прошло здесь, и она ценила это озорное и веселое время. Теперь его не вернуть, годы брали свое. Они, словно песок в часах, утекали прочь, меняя все: о маленькой бойкой девочке напоминали лишь улыбчивые добрые глаза цвета лунного света, да веснушки, рассыпанные от щеки до щеки, рыжими звездами обрамляя лицо, словно розовый небосвод.

И все же иной раз сестре хотелось, как раньше, пробежаться по старым тропкам в парке, пройтись по магазинчикам, да поесть мороженого в любимом кафе. Жаль, что этого не получалось: вместо милой девочки из отражения в стекле автомобиля на Юнис смотрела усталая взрослая женщина со своими проблемами и заботами, которые отнимали все время.

– Уже в пятый класс пошла. Говорит, ей нравится, – продолжила Юнис, не отрываясь от созерцания вида из окна. – Пока вроде не хулиганила.

² Автохтоны – местное население, коренные жители.

Я тем временем думал о предстоящей встрече. Было одиноко, ведь только на две такие посиделки в родительском доме я приходил не один. Младшие же, напротив, всегда приезжали со своими семьями, сыпя мне соль на рану.

Единственное, что утешало сейчас: Юнис тоже в этот раз одна. А еще младшая сестра мне очень близка. Она ближе для меня, чем близнецы. Юнис многое понимала и нередко помогала в сложных ситуациях. Это хоть как-то скрашивало предстоящий вечер. Я даже грустно усмехнулся: «Только овдовев, начинаешь ценить скандалы».

Подъехав к небольшому двухэтажному домику в самом начале улицы и припарковавшись у тротуара, отделявшего газон от дороги, уже хотел помочь сестре с багажом, как вдруг зазвонил мобильный телефон.

– Добрый день, вы Лео Бердник? – спросил дрожащий мужской голос на другом конце.

– Да, я вас слушаю, – немного насторожившись, ответил я, увидев ранее, что звонок был с незнакомого номера.

– Ваш телефон мне дали в госпитале «Эверплейс». Сказали, что вы специализируетесь на сложных случаях с приемными детьми и детьми под опекой. Что вы один из немногих психологов, берущих сложные случаи с «розовыми» семьями, – обратившийся нервничал. Это заставляло его говорить очень быстро. Почти тараторить. А мне приходилось концентрироваться и слушать очень внимательно, чтобы не упустить ничего из сказанного.

– Давайте встретимся в моем офисе завтра, – предложил я, понимая, что по телефону едва ли смогу помочь. Да и само сочетание «розовая» семья навеяло много неприятных воспоминаний. – Запишите, пожалуйста, мой адрес. Закончив диктовать и положив трубку, я вышел из машины.

Помогать было не с чем: Юнис быстро забрала небольшой чемодан на колесах из багажника и убежала в дом. Скорее всего, она уже обнималась с мачехой и отцом, восторженно рассказывая о своих домочадцах.

Вздохнув, я вновь достал сигарету. Мачеха была против курения в доме – вот и приходится делать это неподалеку. Пока курил, решил осмотреться: много домов в этом году опустели. Об этом говорили таблички на газонах с надписями: «Продается». Ну да, дети выросли, их нужно учить на что-то. Да и работы тут мало. Если хочешь большого заработка, либо катайся в более крупные города, либо умерь свой аппетит.

Район считался престижным, расположенным достаточно далеко от промзоны, но при этом не так далеко от центра городка. Дома тут всегда славились своим комфортом и простором. Если не считать одного, на окраине, они легко продавались и находили своих покупателей в любое время. Много соседей сменилось на моей памяти. Семьи хоть и ценили этот городок, зачастую оседали тут, только пока росли дети. За последние двадцать лет ситуация с перенаселением городов нормализовалась, и маленькое захолустье представляло для молодежи куда меньше интереса, чем крупные города на востоке или западе страны.

Конечно, были и те, кто оставался, доживая свои годы в тени раскидистых массивных деревьев и в окружении живых изгородей. Тишина городка, его маленькие размеры нравились старожилам, а накопления или сторонние доходы позволяли этим людям не так рьяно цепляться за работу. Были и те, кто возвращался после учебы. Но в большинстве своем они предпочитали центр с его дешевыми квартирами. Да и таких я знал немного. В основном молодежь уезжала из городка на учебу в колледже, а потом не возвращалась. За ними уезжали и родители в поисках новых увлечений и новых жизненных целей.

Промозглый день не желал заканчиваться, из-за чего сигарета медленно тлела в моей руке. Это позволило долго всматриваться вглубь улицы с ее желто-зелеными красками осени, которые яркими пятнами и каплями разбавляли серый фон облаков. Когда истлевший и окончательно отсыревший окурок был отброшен в сторону, пришла пора и мне пойти в дом родителей. Я старался войти как можно тише, но этого не получилось, и меня сразу же встретили гул

голосов и запах еды. Стоило мне переступить порог родительского дома, как я тут же оказался в центре внимания трех моих племянников. Они любили общаться со мной, ведь, в отличие от родителей, я не осуждал их и старался помочь, если со мной делились проблемами. Я постарался улыбнуться, чтобы дети не видели моего смятения и тоски в тот осенний вечер. Мой кошмар медленно начинался.

* * *

Вечер проходил оживлено. Все гости весело общались, Юнис и Джей помогали мачехе накрывать на стол и готовить ужин. Отец рассказывал внукам истории о своей бурной молодости, а потом мы все вместе смеялись, вспоминая разные забавные случаи из нашего детства. Как я и ожидал, Йохан и его сестра-близнец Джей приехали сюда со своими семьями.

Сводный брат в этот раз привез своих мальчишек-погодок и жену Лулу, а его сестра взяла только самую младшую дочь Сэмми, которой недавно исполнилось три года. Ничего удивительного в подобном не было: родительский дом мог вместить весьма ограниченное количество гостей.

Я всегда удивлялся, что дети Йохана унаследовали от него светлые волосы, при том что Лулу, его жена, темненькая и достаточно смуглая. Скорее всего, у нее в роду были выходцы из Мексики, но я не уверен в этом. А вот детишки Джей пошли в отца своими ярко-рыжими кудрями, ведь их мать имела совсем блеклый, «мышинный» цвет волос. Но то касалось только волос. Удивительно, но если дети Йохана чертами лица пошли в мать, взяв от отца только волосы, то вот дети Джей – наоборот, только волосы унаследовали от отца, остальное забрали от матери. «Ну и рокировка!» – думал я, глядя на своих племянников.

– Что ж ты остальных не привезла? – Йохан очень удивлялся решению сестры взять только младшую дочь. – Ты же обычно всю семью тащила.

– Привезла, если бы кое-кто не оборзел и не привез всю свою ораву! – парировала Джей, тыкая в брата пальцем с ярким маникюром.

Пацанка Джей, которую я запомнил с вечными синяками и пластырем на носу, сейчас была ухоженной и красивой женщиной. Да, она не походила на мать, в отличие от брата, но свою внешность с лихвой компенсировала характером. Таким же склочным и неугомонным. И все же было у этой парочки что-то общее...

После школы брат и сестра разъехались, создав свои семьи и предпочитая видаться только на таких семейных встречах. Почему они так поступили, я не знал. В детстве эти двое были не разлей вода. Буквально все делали вместе. Может, Йохан устал от вечных наставлений сестры? Или, может, ему просто наскучила заматеревшая с годами Джей?

– Где же это я оборзел? – тут же недовольно буркнул брат. – Каждый год так приезжаем. – Йохан унаследовал от мачехи светлые волосы, такие же темные глаза и нос, кончик которого загибался вниз. Брату приходилось много работать, чтобы обеспечить семью. Это отразилось на его характере – из забияки он превратился в спокойного парня, часами готового рассказывать про свою ферму и очередное нашествие «этих чертовых комков меха». Видимо, война с кошкобедами отнимала приличный кусок доходов брата.

– Да? – не унималась сестра, уперев руки в бока. – В прошлом году был только с женой, в позапрошлом...

Близнецы, в отличие от Юнис, приезжали каждый год, сотрясая родительский дом то ссорами, то шумными посиделками. Джей и сама по себе временами навевалась к родителям, но одна она вела себя вполне тихо и даже сносно. Сказывалась работа в книжной лавке.

– Тоже мне вспомнила! – перебил Йохан, всплыв. – Ты б ещё вспомнила, как я у тебя конфету в три года украл.

– Само собой! – рассмеялась Джей. – Гони мою конфету!

За словом она в карман не лезла, а хорошая память только помогала ей в разнообразных склоках. Просто удивительно, что у Джей было четверо детей и она каким-то непонятным мне образом справлялась с ними всеми. Сводная сестра явно пошла в мачеху! Но стоит отметить, что вербальные перепалки моих брата и сестры обычно очень быстро прекращались. Как-никак они когда-то были очень близки.

Помню, как часто в детстве я получал из-за своих несносных брата и сестры. За ними невозможно было уследить, и они постоянно что-то ломали, куда-то залезали и регулярно пакостничали в школе. Хорошо, Юнис не доставляла хлопот. В отличие от этих шумных охладомонов! Наверное, из-за этого она и была мне очень близка. А может, сказалась большая разница в возрасте?

До ужина ещё оставалось время, и собравшиеся вместе члены семьи общались между собой. Малышня тоже веселилась: мальчишки Йохана привезли игрушечные пистолеты и играли, бегая по всему дому друг за другом.

– Ранен! – кричал один.

– Нечестно! – отвечал второй. – Не ранен! Это ты убит! А-а-а! Зомби! Тебя пришельцы оживили!

– Дурак! Не было на Диком Западе пришельцев! – догоняя младшего, крикнул Уил.

– Были! На этом были!

Вскоре мальчишки забрались на второй этаж. Думаю, им было с чем поиграть и там. Ох и разозлится мачеха, если ее несносные теперь уже внуки что-нибудь сломают! Но я не обязан за ними следить: взрослые родители, вон, в столовой за столом сидят. Обсуждают очередные траты на школу. Сэмми тем временем ходила из комнаты в комнату, стуча ложкой по кастрюле.

– Ты зачем с кухни банку взяла? – удивился я, когда племянница подошла ко мне с банкой на голове, ударяя в кастрюлю, словно в барабан.

– Я балабанщик! – тут же усмехнулась девочка. – Я веду палад! А за мной орестр! – маленькая пухлая ручка показала на небольшую колонну из привязанных на веревку кукол. Все они тащились по полу на своей привязи. Для трехлетней девочки это был парад, а вот у меня возникли совсем иные ассоциации. Но я решил не озвучивать подобного. Подрастет – на уроках истории узнает.

Судя по тому, что ни мать, ни остальные не отругали Сэмми за кражу утвари с кухни, им было не до нее. Осмотрелся. Ну да, Юнис беседовала с отцом, Йохан с Лулу обсуждали оценки детей, а Джей в кухне о чем-то спорила с мачехой. Странно, что мачеха, Бернис, не отреагировала на пропажу. Может, не заметила? В пылу жарких споров могла.

Я снял с головы племянницы банку, забрал ложку и кастрюлю, предложив посмотреть мультфильм. Как раз шел старый «Волк, пес и мышонок». Столько воспоминаний об этом послевоенном мультфильме. Да, в нем была аллюзия на «розовые» семьи, но от этого мультфильм не был хуже. Даже отцу, скептику по жизни, жуткому зануде и довольно желчному человеку, нравился этот мультфильм. Чего уж говорить обо мне и Юнис, выросших на этих героях. Сэмми недовольно сказала, что хочет вести оркестр, но все же села рядом со мной.

– Кто взял банку и кастрюлю? – пискляво гаркнула Бернис, выйдя из кухни.

С ее загнутым на конце носом, темными большими глазами и весьма пышной грудью мачеха походила на сову. Особенно сейчас, выйдя в платье с рюшками и таким же ажурным передником. Ну, точно сова! Того и глядишь, начнет ухать. Что было бы уж очень комично с ее высоким, противным, писклявым голоском.

Я протянул утварь, показав на поглощенную действием в мультфильме племянницу. Бернис тут же рывком забрала посуду, хмыкнула и вновь скрылась на кухне. На это я не удержался и улыбнулся... Да... Детишки мачехи – молодцы. Их вкус к жизни неумолим. Только мы с Юнис остались в стороне со своими проблемами. Я немного завидовал близнецам: их супруги поддерживали их, любили и, главное, были с ними рядом. Не то что у нас с Юнис...

Когда мультфильм закончился, настал черед новостей. На часах как раз было семь вечера. Сэмми расстроено потянулась к пультам, но я не дал ей этого. В кои-то веки хотелось посмотреть новостной блок без комментариев.

«Начинается очередной топливный кризис, – размеренно произнес диктор с экрана. – Южная Независимая Конфедерация задерживает поставки топлива на несколько дней. Производство водородных элементов не справляется, и граждане Северных Штатов Америки готовятся к повышению цен на продовольствие», – затем показали несколько интервью на эту тему, где люди закупаются впрок продуктами. Кто-то жаловался, что страховка и топливо слишком дороги и машину держать – больше в убыток. Я знал, что цены на бензин уже поднялись, хоть пока правительство пыталось сдержать этот рост. Правда, вечно сдерживать цены государство не могло. И я это прекрасно понимал. Да, сразу после раскола севера и юга много сил бросили на создание альтернативного топлива. Появились водородные блоки, ядерные двигатели и двигатели, работающие на электричестве. Но основное распространение они получили в тяжелой технике. Комбайны, поезда, самолеты – все они работали на водороде. Машины же по-прежнему требовали бензина. Сколько бы ни было попыток создать маленький и мощный водородный двигатель – ничего не получалось. Технологии электромобилей прошлого тоже не прижились – слишком дороги оказались для массового покупателя после всех кризисов. Хотя в последнее время стали появляться двигатели на биодизеле, но производство данного топлива оказывалось затратнее покупки нефти у соседей.

Хорошо, что Брумалтаун после нового заселения отстроили очень компактно. Вполне можно прожить и без постоянных поездок на авто: все и так под рукой.

«К другим новостям. Первая туристическая группа посетила Юту. По словам специалистов, уровень биологического загрязнения снизился и пришел в норму за последние пятьдесят лет, и теперь эту территорию можно приравнять к заповеднику. Однако, по словам экспертов, в соседних штатах все ещё высок уровень загрязнения. Процедуры очищения могут занять ещё несколько десятилетий».

Я невольно вспомнил уроки истории из старших классов, а именно – как нам рассказывали про ужасы биологического оружия прошлого. Да, я не застал ни войны, ни тех времен, когда юг и север были единым целым. Но я знал тех, кто застал. Бабушка в детстве рассказывала, как она с семьей эмигрировала из России в 2030 году. Тогда еще было государство Соединенные Штаты Америки. Она фактически пережила и Гражданскую войну, и Мировую, многое видела собственными глазами. Тогда, девяносто пять лет назад, была единая страна, а не два лоскута с мертвыми землями между ними. В той войне погибли миллиарды. И самое печальное, что ни одна страна в мире не смогла уцелеть. Пострадали все.

Закончив с этой новостью, диктор передал слово своей обворожительной коллеге: «В этом году было выделено дополнительное финансирование на поддержание «розовых» браков. Конгресс штата считает, что так можно повысить процент новых союзов» – в продолжение этой новости показали интервью с одним из сотрудников ЗСЦ, жалующимся, что в период либерализации стал расти процент сожительства без официальной регистрации. Из-за нескольких законов подобное было трудно отследить, и «защитникам» только и оставалось, что умыть связанные руки. На последнюю новость я грустно усмехнулся:

– Отмените «эпо» и ограничения – получите такой прирост, какого с начала века не было! Это услышала Сэмми и, повернувшись ко мне, спросила:

– Дядя Лео, а что такое «эпо»?

– Процедура такая. После свадьбы ее проходят, – мне показалось, этого объяснения достаточно.

Я знал, в чем суть процедуры, но не видел смысла знакомить трехлетку даже с официальными сведениями. Чего уж говорить про реальную составляющую.

– Подрастешь – узнаешь подробнее, – добавил я.

– А я знаю! – тут же вскочила племянница, помотав рыжими кудряшками. – Мама говорила! Это кулсы!

Я пожал плечами: курсы так курсы. Я понятия не имел, что Джей говорила своим детям, а что нет. Ссориться мне не хотелось, и я больше молчал и слушал, изредка поддакивая.

Что же такое «эпо», думать не хотелось и подавно. Эти воспоминания для меня были очень болезненными, и я старался гнать их от себя как можно дальше. Вот только год от года это становилось все труднее. Слишком уж мучительно было вспоминать, что от последствий этой «процедуры» погиб мой муж Иви.

О том, что эта процедура необходима и является залогом счастливого брака, говорилось всем представителям третьего пола – эно. Каждый был ознакомлен с официальной информацией. Кто-то принимал это, кто-то нет. Но как только официальный союз оформлялся, выбора у любого эно не оставалось. Для каждого человека третьего пола существовал только один выбор – либо одиночество, либо «эпо» через год после свадьбы. Правда, в некоторых местах процедуру проводили и до регистрации брака. Тут уж зависело от региона и семьи.

– Эй! – над моей головой раздалось несколько щелчков пальцами. – Мы только тебя ждем. На стол накрыли! – Юнис все же умела вызволять меня из плена тяжелых мыслей.

Я вздохнул и, встав с дивана, побрел в столовую, где как раз оставалось пустое место между отцом и Юнис. На мое несчастье, к семейной встрече присоединились Дерек и Матильда, которые не являлись нашими родственниками, но считали себя хорошими друзьями семьи. Они то приезжали, то делали вид, что сильно заняты. Предугадать их появление из года в год становилось все труднее, и я с каждым разом боялся новой неловкой встречи.

Из-за появления этой парочки в доме стало напряженно: Дерек – мой бывший парень, и Матильда постоянно ревновала его ко мне. И хотя отношения наши зашли в тупик много лет назад, Матильда все равно не доверяла мне, считая своим соперником. Я понимал, что третий пол имеет выбор: быть с мужчиной или с женщиной, но все равно удивлялся, как Дерек сошелся со своей женой. Хотя, может, схожесть характеров и интересов помогли им? Эта не менее склочная, своенравная дамочка постоянно пыталась задеть меня, уколоть побольнее. На помощь раньше приходил Иви, защищая от колкостей и хамства Матильды. Но его не было с нами. Теперь титул моего защитника перешел Юнис. Она пару раз огрызнулась на выпады, заставив не говорить плохо обо мне при остальных.

– Ты тоже в колледже отрывалась, – заметил Дерек, целуя Матильду. – Или мне напомнить тебе о Джордже?

Покраснев от злости и обиды, назойливая дамочка замолчала, погрузившись в свои мысли: ей припомнили прошлый неудачный роман, закончившийся по инициативе парня. Когда в доме воцарился мир, я начал думать, что завтра мне предстоит общение с очень сложным клиентом.

«Ладно, – решил я, поняв, что хочу побыть с семьей, – нельзя пока торопиться с выводами. Надо пообщаться с этими людьми».

Остаток вечера прошел за семейным ужином. Мы вспоминали и хорошие, и трудные времена в нашей жизни.

Глава 3

Визит

Лео.

Мой кабинет располагался в старой части библиотеки. Много лет назад этого здания хватало. Тогда Брумалтаун только восстановили после волны миграции. Но постепенно город разрастался, и маленького домика стало мало для хранения всех книг. Власти отстроили новую публичную библиотеку в центре города, а эту, разделив на две части, отдали частным практикам и Фонду Грас. Работая, я время от времени видел Кетлин Грас, младшую из детей Эммы. Она привозила ценные документы в архив и самолично заносила материалы в картотеку. Кроме нее этого никто не мог сделать: Элиот и Эмма умерли почти двадцать лет назад, а их старший сын Юджин занимался разработками для лечения вируса. Ему было не до бумаг. В итоге дети Эммы поделили обязанности: сын занимался наукой, а дочь – фондом помощи и архивами.

Кетлин все устраивало: она видела с самого детства, с какими трудностями сталкивалась ее мать и какому остракизму подвергалась. Наука тоже ей не давалась, и это заметили все: от родителей, поощрявших любые начинания детей, до учителей. И хоть фонд время от времени и нанимал волонтеров – полноценными помощниками они не являлись. Финансирование же имело строгие ограничения: все пожертвования уходило на обеспечение нужд больных и небольшие зарплаты тех самых волонтеров. Я это знал, ведь Фонд Грас сотрудничал с ЗСЦ и представлял им ежеквартальные отчеты.

Меня первое время удивляло, что волонтерам платят деньги, но потом я понял почему: фонд работал не только в штатах, но и по всему миру. Его деятельность вполне приравнивалась к «Армии спасения» или «Красному Кресту» из прошлого. Из-за этого мало кто шел на такую работу, и рук постоянно не хватало. Поговаривали, что фонд даже иногда предлагал в качестве общественно значимых работ те, которые напрямую не были связаны с риском. Например, ведение архивов. Но в последнее время и это не помогало.

Библиотека оказалась лучшим выбором: она была спрятана за массивными деревьями в глубине самого крупного городского парка. Тишина – и лишь редкие посетители отвлекали от работы, смущая обратившихся. Порой люди приходили ко мне с такими проблемами, о которых стыдно признаваться даже самим себе, не то что посторонним. За годы работы я повидал многое. ЗСЦ это не нравилось, а вот меня все устраивало. Без вечного ока над головой работало проще. Да и к тому же часть библиотеки отдали под архив, что тоже отгоняло праздных зевак от этого места, ведь им не было дела до «каких-то там документов».

При знакомстве Кетлин дала мне доступ, с условием, что я буду проверять работу аппаратуры в архиве. Она приезжала редко, занятая не менее важными делами, а дистанционно проверять архив оказалось крайне трудно. Ища хоть кого-то, кто будет часто посещать это место, мисс Грас и попросила моей помощи. Работа это нехитрая и нетрудная – конечно же, я согласился.

Раньше со мной работал ещё один сотрудник, и мы поднимались на второй этаж поочередно. Но время шло, и Дейла повысили, переведя на работу в частную школу для эно. Я остался один среди книг, пыли и шума вентиляторов архива. Это и тяготело, и одновременно спасало: мне было проще переживать свое горе в одиночестве, чем на виду у окружающих.

Звонивший мужчина пришел чуть раньше и ожидал меня возле входа. «Это хорошо», – отметил я, вспоминая, какие иной раз бывали клиенты.

Я не раз и не два сталкивался с теми, кто звонил, умолял о помощи, договаривался о встрече, но так и не приходил. Бывали люди, звонившие по три-четыре раза, но находившие отговорки, чтобы не посещать психолога. Таким при всем желании невозможно было помочь.

«Изддержки работы, – утешал я себя, пытаюсь не думать о плохом. – Я же не могу их заставить, в конце концов!»

Нынешний посетитель все же нашел в себе силы прийти на назначенную встречу, за что я был ему очень благодарен.

Это оказался высокий, плотный, хоть и не полный, мужчина в строгом деловом костюме с ярким пятном – галстуком.

Его суровое выражение лица с мелкими, едва заметными на бледной коже близнами и холодные злые глаза прожигали меня насквозь, намекая, что обладатель не из тех людей, кто слепо доверяет окружающим.

«Эх, сложная будет консультация», – сразу отметил я, торопливо подойдя к входной двери и встав рядом с незнакомцем.

Жесты обратившегося были плавными, но выверенными и очень скупыми. Я заметил это, ещё когда мужчина повернулся ко мне. Словно он скрывал что-то. Это напомнило мне эквилибристов в цирке – они так же осторожно и плавно двигались, идя по тоненькому канату над зияющей под ними бездной.

Подойдя, я поспешил протянуть ожидавшему руку, отметив запах сигар и «жженой» кожи, смешанные с едва уловимыми штрихами одеколлона. Мое наблюдение подтвердилось: незнакомец крепко пожал мою руку и показал жестом, что стоит продолжить разговор в другом месте.

Открыв дверь и отчеканив несколько шагов по яркому кафелю, мы прошли в кабинет недалеко от входа. Когда-то здесь был детский читальный зал. Мне очень нравилось, что с тех времен остались рисунки на стенах и стеллажи с книгами. Многие из них шли под списание, и я просто забрал книги себе, оправдываясь, что либо сестре, либо племянникам буду читать эти сказки.

Нас встретило просторное помещение в голубых и светло-желтых тонах. Много я не тронул, ведь это не мешало мне проводить серьезную работу. К тому же, детские рисунки и сама обстановка порой говорили: для меня нет детских проблем – есть недопонимание между детьми и взрослыми.

Когда мы с посетителем расположились в удобных креслах, оставшихся от прошлых времен, он приступил к рассказу.

– Меня зовут Эрик Коулман, – начал мужчина, продолжая мерить меня тяжелым взглядом из-под светлых широких и прямых бровей. – Ваш номер дали в госпитале. Так получилось, что моя дочь начала ранить себя.

– Как давно вы заметили подобное поведение? – светлый кабинет настраивал на миролюбивый лад, и я надеялся, что мне удастся выяснить подробности. Я понимал, что, работая на ЗСЦ, не вызывал доверия пришедшего, но все же уповал к его сознательности.

– Буквально вчера, – Эрик говорил спокойно, его поза не выражала волнения, но я понимал, что это не совсем так.

Сидевший напротив меня казался человеком волевым, решительным, может, даже жестким и прямолинейным. Это сквозило в его выверенной и сухой манере речи, в стати и прямой осанке. И хотя мужчина был крупным, что только добавляло суровости его виду, говорил он на удивление безэмоционально и спокойно. Просто сухо, словно констатируя факты из какой-то энциклопедии.

Много ли людей скажут сразу незнакомому человеку, пусть и очень известному в узких кругах, что его ребенок ранит себя и, возможно, пытается покончить с собой? Я тоже не знал таких. Порой на банальное выяснение ситуации и ее обстоятельств я тратил добрую половину сеанса... если не весь сеанс целиком.

– Не подумайте, моя дочь не хочет умирать, – заметил мистер Коулман, догадавшись, о чем я думаю. – Она наносит раны горизонтально. Если бы это были попытки самоубийства, она бы наносила их иначе.

– Селфхарм³? – переспросил я. – Вы уверены в этом?

– Скорее всего, – ответил на мой вопрос Эрик – Я видел, как режут вены, – мужчина пальцем провел по рукаву, показывая вертикальный разрез.

Тут уже задумался я: у меня было много пациентов, которые пытались покончить с собой. Часто приемные родители даже не догадывались о депрессии своих детей, обращаясь после одной или двух неудачных попыток самоубийства. Я точно не был тем человеком, кому стоит доказывать отсутствие подобного мотива в поведении. У меня в практике был и селфхарм, но давно. И связан он был с совсем другими обстоятельствами.

Эрик же сразу оговорился, что это не тот случай. Но, возможно, он просто не знал всех обстоятельств?

Может, его дочь не знала, как наносятся раны для того, чтобы умереть? Или, может, она сделала это, чтобы проверить, выдержит она боль или нет. В памяти всплыл случай: мальчик наносил раны достаточно долго, чтобы подготовиться к боли. Но, не пообщавшись с самим ребенком, я не мог сделать никаких выводов. Может, мужчина и в самом деле прав и раны всего лишь самоповреждения, не говорящие о желании умереть? Правда, последнюю версию нельзя окончательно сбрасывать со счетов. Статистика неумолимо говорила мне, что даже обычные самоповреждения могут приводить в конечном итоге к попыткам суицида.

– Вы сказали, что являетесь «розовой» семьей? – вспомнил я деталь вчерашнего диалога. Было неловко долго молчать, обдумывая варианты, которых может на самом деле и не быть вовсе.

Я прекрасно знал, что «розовыми» семьями называются семьи, где один из супругов относился к эно.

Официально эно относили к интерсексам или гермафродитам, которые рождались и до войны. Я видел старые данные по этой теме: что-то около 2 % детей от всех новорожденных. Любому сотруднику Защиты семейных ценностей было очевидно, почему официально использовали эту информацию: тут и историческая подоплёка, и биологическая, и даже возможность связать увеличение популяции эно с последствиями войны.

Вот только эти сведения нельзя было назвать правдивыми: на самом деле эно, с точки зрения, биологии являлись обычными мужчинами. И эту правду знал каждый сотрудник ЗСЦ...

Я понимал, почему эту правду не хотели афишировать: если она станет достоянием общественности, люди начнут задавать слишком много вопросов. Вопросов, которые вполне могут разрушить и без того шаткий мир, как в этой стране, так и во всем мире.

Эта правда осела никому не нужными данными в архиве семьи Грас и высших эшелонов ЗСЦ. И я как сотрудник этой организации на свое несчастье знал ее как ни кто другой.

Все началось сразу после первой вспышки вируса Мехони, в 2034 году. Буквально за четыре года мир потерял треть женского населения. Это без малого полтора миллиарда человек!

В попытках остановить демографическую и экономико-социальную катастрофу в 2038 году создали препарат «Энкантант». Провели спешные тесты на культурах клеток и внедрили на рынок. Как лекарство «Энкантант» оказался неэффективен, и его пришлось отозвать через полгода после внедрения. Увы, у препарата оказалась практически нулевая эффективность. Никто и представить не мог, что это только ускорит кризис и приведет сначала к локальным войнам по всему миру за ресурсы и территории, а позднее и к мировой войне...

³ Англ. self-harm – причинение вреда самому себе, самовредительство. – Примеч. ред.

Именно локальные конфликты по всему миру стали предтечей Мировой войны 2042 года, унёсшей с собой еще порядка трех миллиардов жизней. Единственным плюсом произошедшего можно отметить «омоложение» оставшегося населения.

Едва война закончилась и начался период восстановления, стала заметна новая демографическая катастрофа: женщин стало рождаться еще меньше. Если в 2038–2040 годах прирост снизился на 5 %, то в 2043–2045 годах соотношение рождённых девочек к мальчикам стало еще ниже. Теперь на одну рождённую девочку приходилось от 6 до 8 мальчиков (в разных странах этот показатель отличался). Поначалу причин выявить не удавалось. Сказывалась неоднородность данного явления (особенно заметно неравенство было в странах бывшего третьего мира, где, как оказалось, носителей вируса Мехони убивали, да и культурные особенности этих стран не позволяли выявить связи рождаемости с заболеванием). Конечно, правительства могли серьезно взяться за женщин, и до войны даже приняли ряд достаточно строгих законов относительно деторождения и материнства. Тогда полностью запретили аборты, ввели налоговые санкции для не рожавших женщин.

Все эти ограничения продлились ровно до 2042 года – война расставила свои приоритеты. Разрушенный мир нуждался в рабочих руках. Даже с учетом сильно помолодевшего населения (в основном бомбардировки пережили молодые взрослые, подростки и люди среднего возраста), одних мужчин едва бы хватило для столь масштабного восстановления государств. Оставалось только сделать женщинам послабления, как экономические, так и социальные, чтобы деторождение выглядело максимально привлекательно и незатратно. Общество пошло по социал-демократическому пути, дабы восстановить то, что почти уничтожило. Даже согласилось на то, чтобы женщины просто рожали детей, отдавая на усыновление, чем пользовались многие чайлдфри.

Осознав свои выгоды, женщины стали чрезвычайно разборчивыми в выборе партнеров. Если раньше большинство девушек не обращали внимания на внешность избранника, их вполне устраивало, что парень образован и интересен, а также приятен как человек, то после войны все стало ровно наоборот. Теперь парни стали «расходным материалом», а женщины – чрезвычайно ценным экономическим и социальным ресурсом.

Каждая девушка могла выбирать между «лучшим» и «идеальным» или же остаться одинокой (при условии согласия на деторождение).

Наконец в 2044 году механизм вириона был полностью разгадан: встраивание новых генов в X-хромосомы и либо аутоиммунный некроз у женщин, либо неспособность зачать дочерей у мужчин (бывали исключения в случае синдромов Клайнфельтера и Шершевского – Тернера, когда заражались и умирали мужчины, а, соответственно, женщины не имели признаков болезни, но эти аномалии оказывались слишком редкими в новом мире и их почти не брали в расчёт. Да и, в случае отсутствия одной из X-хромосом, женщины имели и без того солидный букет болезней). Стало очевидно: антитота от новой чумы нет, иммунитета к вирусу тоже. Вот он, новый вызов для человечества. Словно войны и всех кризисов оказалось мало...

В силу новых обстоятельств было принято решение всех мужчин с данной мутацией обособить как отдельный пол. Тем более что на тот момент еще не имели чётких статистических данных по контагиозности данного заболевания в данной популяции. Был придуман маркер, отличающих таких мужчин в обществе, – розовый чокер. Конечно, могли выбрать и любой другой символ, но обруч был практичнее всего: его гораздо проще носить, он заметен, к тому же напоминает скорее украшение. Вновь пригодился «Энкантант», выявляющий носителей провирусной мутации из-за изменений в белках клеток. Ввели проверку всех новорожденных с помощью анализа крови. Тогда же стало известно, что «Энкантант» при введении его детям формирует психику по женскому типу с явным уклоном в родительское (материнского) поведение. Это еще сильнее обособило эно буквально ко второму поколению. Исключением

стал только ССКР, отказавшийся признавать третий пол. В итоге в этой стране организовали небольшой город-резервацию.

Имея базу таких людей, ЗСЦ стало проще контролировать рождаемость (уже к 2046 году третий пол законодательно ограничили в количестве браков и выборе партнеров, а также в выборе профессий, по сути оставив только выбор между работой в приюте св. Елены или жизнью «домохозяина»-прислуги), и к концу 2060 года число женщин увеличилось. Рождаемость вышла на своего рода плато: на двух мальчиков приходилась одна девочка. К тому моменту уже выросло два поколения эно, уверенных в правильности происходящего. Эти дети, а затем и взрослые «добровольно» выбирали путь вторых супругов для вдовцов и вдов, играя женскую роль в таких союзах, «добровольно» проходили «эпо» (как красиво стали называть кастрацию с частичным изменением гениталий) в пятнадцать, ведь они не знали другого порядка. Все эти дети с ранних лет воспитывались в закрытых школах, где им очень четко обозначали границы дозволенного.

Они не глядя подписывали все документы, в том числе и о неразглашении подробностей этой отвратительной, калечащей процедуры. Это сейчас ЗСЦ тонко умалчивают о самой сути «эпо», а тогда открытым текстом сообщали о ней маленьким детям. Ко второму поколению эно стало очевидно: они не заразны, в их клетках остается только мутация, а сам вирус отсутствует (у первого поколения вирион Мехони в соматических клетках все же был, но имел куда меньший уровень контагиозности из-за различий генетического механизма у мужчин и женщин, к тому же различный гормональный состав крови существенно снижал продолжительность жизни вируса за пределами организма носителя-мужчины). Так убили одним выстрелом сразу двух зайцев: и, как казалось, вывели из популяции заразу, не поднимая еще большей паники, и не дали генам закрепиться, лишая эно репродуктивной функции.

Все рухнуло вновь, когда открылась правда из дневников Эммы Грас. Теперь человечество столкнулось с новой проблемой: нарушить конвенцию СОН уже не представлялось возможным, больные обрели свободу, а главное – их стало некуда девать.

Резко потребовались ресурсы для ухода, в том числе и медицинского, за больными.

Именно тогда ЗСЦ допустили первые два послабления для эно: возможность заключения первого брака с женщиной и увеличение возраста проведения «эпо». Был придуман так называемый тест Гарта, выявляющий наиболее пластичных с точки зрения психики эно, для которых прохождение «эпо» не являлось критическим. Все нововведения были приняты без большого сопротивления, ведь, продолжи «защитники» гнуть свою линию, могли возникнуть проблемы с ресурсами, да и гены МН 118, или вируса Мехони, все равно остались бы в популяции. Взвесив все за и против, ЗСЦ почти по всему миру пошли на эти вынужденные уступки. Скептики, в связи с этими изменениями, боялись увеличения количества таких браков и нового перекоса в соотношении мужчин и женщин, но этого не произошло.

Получив еще большую свободу выбора, женщины в большинстве своем предпочитали не связываться с эно. Хотя всегда находились и исключения, видимо, имеющие латентную гомосексуальность. По крайней мере, такое объяснение стабильного количества браков между эно и женщинами высказал мой профессор по психологии еще в далеком 2094 году.

Следом признали и «розовые» браки и между женщинами, пусть и с оговоркой о том, что обе партнерши должны быть больны МН 118. Сомневаюсь, что женские «розовые» пары оформляли отношения от хорошей жизни. Скорее из-за остракизма и одиночества. Но общество и не обязывало любить. Оно лишь предложило альтернативу, пользоваться которой или нет, каждый решал для себя сам. В этот период сделали еще одно печальное открытие: при проведении исследования женских овоцитов второго порядка выяснилось, что у больных МН 118 в них также присутствует только мутация, а сам вирус не продуцируется. Это открытие означало, что такие женщины не бесплодны, но выносить и родить ребенка не в состоянии. К тому же беременность являлась сильным стрессовым фактором для ослабленного организма, что

ускоряло реакцию на видоизмененные белки. Как следствие, такие женщины умирали через несколько месяцев, а порой и дней после выкидыша. СОН и Фонд Грас решили не афишировать подобные сведения, однако все же предоставили официальную версию: все больные МН 118 женщины бесплодны. Это сделали из-за того, что большинство мужчин сторонились больных, а физиологическое развитие у них зачастую отставало достаточно значительно (вплоть до полного отсутствия менархе). Убежденные в бесплодии, больные освобождались от деторождения. Даже детей на воспитание им зачастую не давали (хотя после 2090 года случались редкие исключения, касавшиеся несовершеннолетних родственников или детей третьего пола).

Послабление, которое касалось «розовых» браков между женщинами, имело свои корни: пары, способные пополнять популяцию третьего пола, все еще оставались слишком малочисленными. Даже проведение «эпо» после заключения брака и по прошествии года не помогало. Число эно сократилось тогда с трети от всех мужчин до примерно одной шестой.

Либерализация законодательства имела еще две «волны»: первую – в 2075 году, когда под давлением высшего класса эно стали брать в колледжи на специальности, связанные с медицинской и воспитанием, а следом, в 2077-м, разрешили трудоустроенным одиноким эно удочерять больных вирусом девочек (сказалось влияние Фонда Грас, не готового до бесконечности обеспечивать уход за инфицированными девочками в детских домах); вторая – в 2090 году, когда ЗСЦ официально запретили вмешиваться в жизнь граждан без веских доказательств. В том же году увеличили максимальный возраст деторождения с двадцати пяти до тридцати пяти лет.

Последней лазейкой часто пользовалась молодежь из низшего и среднего классов, ведь их большинство и, следовательно, ЗСЦ сложнее их контролировать. Со временем этот протест перерос в «синее» движение. Понимая, что рано или поздно молодежь может взбунтоваться, ЗСЦ просто согласились с наличием оппозиции и контролируя адептов «синего» движения в рамках своих полномочий.

У меня уже был определенный опыт работы с «розовыми». Сложная и выматывающая работа, ничего более: в таких семьях сначала приходилось работать с невротизированными взрослыми и только потом приступать к работе с детьми.

Прошли почти 74 года. Сменилось как минимум шесть поколений эно, но проблемы третьего пола так и остались без изменений: они все так же имели законодательные ограничения относительно брака, возможности получения образования, хотя тут все скорее зависело от социального статуса семьи (чем он выше, тем больше возможностей), трудоустройства.

Даже сейчас, в 2133 году, все еще ощущался осадок от тех смутных времен, что должны были остаться в учебниках истории.

С тех пор почти в каждом шоу, в каждой программе рассказывалось, что «розовые» семьи – это один из столпов общества. С экранов, афиш и полос газет Защита семейных ценностей вещала свой слоган: «Крепкая семья – залог счастливого будущего». И в первую очередь это касалось именно «розовых» семей и супругов-эно. К тому же одиноким и бездетным эно все равно продолжали держать на своем учёте «защитники». Хорошо, что не так строго и не приносящая к чему бы то ни было.

Неудивительно, что ко мне такие семьи обращались в самых тяжелых и запущенных случаях...

Это добавляло дополнительных проблем.

– Да, – немного замявшись, ответил собеседник. В его глазах застыла горечь, потом сверкнуло янтарное пламя, и Эрик добавил:

– Но, – выдержав паузу, – мы не совсем являемся таковой.

Это было очень важно. Конечно, наверняка знать, что подразумевалось, я не мог, но определенные предположения все же появились.

С наступлением периода либерализации достаточно большой процент эно не желали оформлять каких-либо отношений вообще. Да и вступать в них тоже. Им было проще жить

одним, чем следовать требованиям общества, тем более что в свете последних поправок они могли заводить детей без протекции супруга и официально работать, пусть и не на самых престижных работах. Последние два поколения эно, видя определенные послабления, привыкли к ним и уже не готовы были мириться с ограничениями, которые пытались вернуть консервативно настроенные ЗСЦ. На это жаловался и мой бывший коллега Дейл, работавший непосредственно в воспитательном центре, и верхушка ЗСЦ, о чем регулярно говорилось в новостях.

– Хорошо, – наконец заметил я, прокрутив все вышесказанное в уме, – приходите всей семьей. Попробую разобраться в вашей ситуации. Эрик поблагодарил меня и покинул кабинет, не проронив больше ни слова. После его визита я невольно вспомнил о том, от чего пытался убежать уже тридцать лет. Увы, но я знал не понаслышке, что такое «розовая» семья.

* * *

На следующий день Коулманам прийти не удалось. Позвонил Эрик и сухо предупредил меня, что по причине занятости встречу придется перенести. Я согласился. По манере речи было похоже, что в первый раз мне звонил муж Эрика. Понимая, что Коулманы не уверены, можно ли мне доверять (ведь я работал на ЗСЦ), я очень боялся встречи с членами этой семьи.

Во время недельного перерыва я долго думал брать или нет новую семью. «Розовые» семьи имели свою специфику, из-за которой работать с ними было крайне затратно по ресурсам. Я не был уверен, что моих резервов в этом случае может хватить. Невротизация в таких парах всегда превышала средние показатели, и снизить её просто-напросто не всегда удавалось. А без этого весь рабочий процесс превращался в ад. Кроме того, я сам когда-то имел «розовую» пару, из-за чего мог, так или иначе, проецировать свои переживания на посторонних людей, что также могло отразиться на моей работе. И самое плохое было в том, что, если бы я взялся за этот случай, мне пришлось бы врать Зашите семейных ценностей. Это сказало бы и на мне самом. Как-никак я работал на эту организацию.

Меня уговорила взяться за это Юнис, вечно влезавшая куда не нужно и любящая вставлять свои два цента в любое мое дело. Правда, именно она сказала, что только я могу понять такую семью и помочь, имея за плечами определенный опыт.

– Ты ведь понимаешь, что кто-то другой спокойно про них сообщит в ЗСЦ? Или ещё куда-нибудь! Представляешь, каково им! Ты же не забыл про свое обещание? – последний аргумент сестры был выстрелом в яблочко.

Она знала, что я мог не говорить о чем-то, если меня прямо не спрашивали, даже несмотря на то, что сам работал на Защиту семейных ценностей. Поэтому ко мне и обращались «розовые» семьи в надежде, что я не скажу лишнего. По крайней мере, так было раньше.

«Ладно. Если не смогу помочь, попробую найти другого специалиста, которому можно доверять», – уверил я себя, как это делал в ситуациях с пропадавшими клиентами. В этот момент я начал испытывать амбивалентные чувства, ведь я, так или иначе, рисковал, берясь за подобное дело по своей инициативе.

Эрик не обманул и действительно пришёл в выходной день вместе со своей семьей. В тот день дверь моего кабинета резко распахнулась, громко и неприятно ударившись о стену. Впервые ко мне врывались вот так, и я даже растерялся от подобного, оставшись стоять возле стола.

В кабинет вихрем ворвался суховатого телосложения парень. Одетый в мятую футболку, поношенные брюки и потрепанную кожаную куртку, гость напомнил мне огромного бродячего пса из далекого детства: такой же побитый жизнью пройдоха.

Глаза парня улыбались, словно назло всему миру, сверкая азартом. Это ещё больше напомнило мне нашего с Юнис лохматого друга. Он всем также нагло улыбался своей пастью, виляя хвостом и канюча съестное у ребятни в округе. У меня даже чуть не вырвалось слово:

«Агасфер!» К счастью, я сдержался. И лишь по небольшой седой прядке в длинных растрепанных волосах посетителя я понял, что незнакомец давно не подросток и даже не юноша.

Промчавшись через весь зал, он подлетел ко мне и, протянув руку, протараторил:

– Здрась. Вы док?

Отвечать на такую фамильярность не хотелось. Я только собирался высказаться, окинув взглядом неряху, как за ним тяжелой, размеренной поступью вошёл Эрик. За его спиной выглядывала с опаской маленькая девочка в закрытом платье и с изящным алым бантом на голове.

– Вы...? – удивленно спросил я.

– Адриан Коулман. Я вам звонил, – всё так же протягивая руку, рассмеялся «пройдоха». – Это мой... – помявшись и менее уверенно, – мой муж, Эрик.

Потом, показав на все ещё прячущуюся девочку, он сказал: – А это наша мелочь Рина.

Девочка только смущенно улыбнулась и помахала мне рукой, вновь скрывшись за спиной взрослого. Она казалась на фоне высоких достаточно крепких родителей совсем крошечной и напомнила мне зверька галаго. Особенно с большими фиолетовыми глазами, маленьким носиком и бантом, один в один как огромные треугольные уши.

– Добрый день, – снова сухо поздоровался Эрик, сев в кресло и показав жестом, что это же стоит сделать и его партнеру.

Адриан на это театрально вздохнул, но все же последовал совету, расположившись рядом с супругом. Рина вначале тоже села рядом с родителями, но вскоре ее заинтересовала окружающая обстановка. Мы приступили к беседе, во время которой поначалу больше говорил Адриан, тараторя о всяких глупостях и ерунде. На контрасте это выглядело комично: заводной весельчак с улыбающимися всему миру, словно собачьими, глазами и мрачный флегматик, буравящий окружающих суровым взглядом. Вот уж точно – противоположности притягиваются.

А ещё я понял, что подразумевал Эрик, говоря, что они неофициально являются «розовой» семьей. Коулманы попросту не оформили отношения! Хорошо, что отчет я не начал. Теперь я был волен написать в нём об обращении отца-одиночки. Тогда я благодарил Господа, что всё ещё существовал этический кодекс психолога и я мог сослаться на него, если кто-то попытается выискать что-то в моих документах. Да и отчеты часто оказывались простыми формальностями для архивов. Поэтому я вздохнул с облегчением: мне совсем не хотелось подставлять своих клиентов.

Дочь Коулманов Рина оказалась молчаливой, немного отстраненной девочкой. Она действительно выглядела подавленной и болезненной: закрывала лицо волосами, прятала взгляд, пусть только и первое время. Когда родители рассказывали о себе, Рина обособилась от нас, взрослых, усевшись поодаль на полу и обняв колени. Общаясь с Коулманами, я вспомнил первый визит Эрика. Мужчина казался суровым, властным человеком с тяжелым взглядом. Прямолинейным и холодным. Это впечатление дополняла и манера речи, ни на йоту не изменившаяся в присутствии семьи, и тот же строгий, даже чопорный стиль в одежде, и даже сухие, выверенные жесты, в которых почти не проскальзывало эмоций.

Единственное, что все же выделялось на этом фоне, – прическа, похожая на желтый одуванчик, да более-менее яркий галстук (пусть и сочетающийся с основным костюмом).казалось, что Эрик – суровый, властный тиран, привыкший держать под контролем как своего партнера, так и дочь. Но я ошибся. Все трое общались очень открыто и тепло, о чём говорило и то, что Адриан тараторил без умолку, а Рина, увидев стеллаж с книгами, спросила у меня разрешения и пошла искать что-то интересное для себя. Никто из отцов не ограничивал её в этом. Даже слова не сказал. Когда девочка встала, я отметил, что её походка немного неровная. Это не бросалось в глаза, но на левую ногу девочка прихрамывала. «Травма ноги? – подумал я. – Спортсменка?»

Сами же мужчины хоть и немного нервничали, старались быть максимально честными с собой и мной. И хотя говорил только Адриан, а Эрик молчал, я видел, что мужчины соли-

дарны друг с другом. В сложившихся обстоятельствах врать не имело никакого смысла. От моей работы зависело душевное состояние ребенка и оба родителя понимали это.

Не найдя ничего интересного среди книг, всю встречу девочка рисовала что-то в своём альбоме. Адриан сказал, что она часто рисует разные скетчи и дарит своим знакомым. Это хобби на смену пению, и оба отца радовались, что их ребёнок нашёл новое интересное для себя занятие.

– Нам было очень трудно найти что-то подобное, – убрав руку за голову, неловко улыбнулся Адриан. – Рину почти никто не хотел брать в кружки и секции.

«Она не похожа на конфликтного человека, – вновь подумал я, бросив беглый взгляд на погружённую в рисунок девочку. – Синдром Аспергера⁴?»

После короткого представления мы поговорили об их проблеме и еще немного – на отвлеченные темы. Я сделал так, чтобы все трое пришедшие расслабились и поняли, что мне можно доверять. Весь разговор, как я и отметил, держался на Адриане. Он с воодушевлением рассказывал о своих увлечениях, дочери и Эрике, подмечая любую мелочь. Наверное, он нервничал от того, что я был связан с ЗСЦ, и таким образом пытался справиться с мандражом.

Общаясь с семьей Коулманов, я какое-то время путался в догадках по поводу того, кто из родителей в этой паре – эно. Ни у кого не было обруча на шее, внешность тоже, как я говорил ранее, не всегда являлась показателем. То мне казалось, что эно – Эрик, то я думал на Адриана. Девочка походила на Адриана внешне, копировала его жесты, так что я предположил, что она – ребенок Адриана от первого брака. Крайняя редкость, но все же случалось, что эно имели за плечами два брака. Второй почти всегда считался неофициальным из-за ограничений, наложенных ЗСЦ. Пол партнера тут уже роли не играл. Поэтому я лишь уверился в своей догадке, временно закрыв эту тему. Тогда я ошибочно принял за эно Эрика, сбило с толку, что именно он обратился за помощью. Да и сходство девочки с одним из родителей... Но все же в процессе подметил, что Адриан ведет себя чуть более подобающе этому полу, чем его супруг. По крайней мере, про Рину куда больше и с куда большим теплом говорил именно он. Да и некоторая мягкость все же в нем присутствовала, хотя и не такая явная.

Как только атмосфера в кабинете стала более непринуждённой, я предложил Коулманам немного «поиграть». Сначала мне нужно было установить уровень агрессии всех членов семьи. Агрессия не всегда направлена вовне, и я, как психолог, это прекрасно понимал. Она может быть направлена и вовнутрь, проще говоря, на самого себя. Именно это происходило и с Риной. Порезы могли являться признаком аутоагрессии. Я хотел понять, действительно ли это так. Для выявления мне пригодился тест Вагнера⁵. Однако я оговорил сразу принцип: каждый берет листок бумаги и пишет свой ответ в этой шараде. А потом сдаёт его мне. На самом деле так тест не проводится, но я не был уверен, что ещё раз встречу всех членов семьи. Мне нужно было понять: могла ли Рина перенять уровень агрессии от кого-то из родителей, был её этот уровень высоким или нет.

Эрик только закатил глаза, Адриан кивнул, а Рина сложила ладони и приложила их к щеке, как делают дети во время сна. Я расценил жесты знаками согласия. Начал по одному

⁴ Синдром Аспергера – общее (первазивное; англ. pervasive – «обширный, глубокий, распространённый») нарушение психического развития, характеризующееся серьёзными трудностями в социальном взаимодействии, а также ограниченным, стереотипным, повторяющимся репертуаром интересов и занятий. От детского аутизма (синдрома Каннера) он отличается прежде всего тем, что речевые и когнитивные способности в целом сохраняются. Синдром часто характеризуется также выраженной неуклюжестью. – Примеч. ред.

⁵ Тест руки (Hand Test, тест руки Вагнера) – проективная методика исследования личности, разработанная в 1962 году Эдвином Е. Вагнером. Тест относится к категории интерпретативных проективных методик, которые основываются на толковании испытуемым какого-либо события или ситуации, в данном случае – изображения руки. Тест руки является средством глубинного исследования личности, в основном применяется для диагностики агрессивности среди взрослых и детей. Кроме того, тест позволяет прогнозировать склонность к «открытому агрессивному поведению», в том числе и сексуальному. – Примеч. ред.

показывать рисунки рук в разных позах, задавая один и тот же вопрос: «Что эта рука делает?» В этом заключался тест. Глядя на изображения рук в разных позах, пациенты говорили о своих личных ассоциациях, пусть и подсознательных. Они как бы проецировали свои эмоции на рисунки с руками. Сами рисунки изображали только руки в той или иной позе, без какого-либо контекста или фона. Ничего сложного. Простая работа ассоциаций. Вот только в этом случае тест занял достаточно много времени.

Я показывал одну карточку и ждал, пока все не напишут что-то у себя в листе. Пару раз я видел, как Адриан подглядывал в лист Эрика или Рины и громко возмущался, что этот ответ неверный. Хорошо, сам ответ не озвучивал, ограничиваясь возгласами: «Ерунда!», «Да не это она делает!» Теперь я понял, почему Рина отсела от отцов чуть поодаль. Ещё один тест я предложил именно ей. Как бы в шутку.

– Рина, ты ведь художница, – заметил я. – Есть такой тест, тест Люшера⁶. Знаешь его? Девочка мотнула головой.

«Выбери те цвета, которые тебе больше всего сейчас нравятся, – я разложил на полу несколько карточек. – Можешь выбрать их сама и поставить в порядке от наиболее привлекательного к наименее. Только выбирай их именно по принципу «нравится», а не по принципам сочетаемости, традиции и прочего. Хорошо?»

Рина кивнула и с энтузиазмом принялась выбирать понравившиеся цвета.

Этот тест занял совсем мало времени. Уже через минуту передо мной лежала таблица из следующего порядка цветов: сине-зелёный, чёрный, коричневый, тёмно-синий, фиолетовый, красный и оранжевый. Выходило, что с одной стороны Рина была очень уверенной в себе девочкой, но с другой – ее агрессия, скорее всего, имела внутреннюю подоплеку. Об этом говорили темные цвета, следовавшие за первым сине-зеленым. Ещё одна галочка в сторону депрессии.

Из-за скорости выбора я не сомневался, что он был сделан именно так, как я просил, без ассоциаций с модой или какими-то традициями. Единственное, у меня все же было небольшое сомнение относительно черного цвета. Рина была сама одета в черное платье с белыми оборками. Но я все же решил пока принять данные результаты. Никто не мешает мне потом провести этот тест ещё раз в качестве контрольной проверки.

После шарад я предложил Коулманам рассказать историю их семьи. Было бы хорошо получить анамнез, чтобы я не мог выявить наиболее вероятные причины возникновения такого состояния своей юной пациентки. В этот момент Рина посмотрела на отцов и показала на свой альбом. Она за всю встречу не проронила и десяти фраз, погрузившись в свои рисунки.

«Точно, – воскликнул Адриан, – забыл! У тебя же сегодня занятие в студии! Прости, мелкая!» Рина покачала головой – мол, нестрашно немного опоздать – и, взяв отца за руку, пошла к выходу.

– Доверяю Эрику! Он ходячая энциклопедия нашей семьи! Все вам расскажет! – крикнул Адриан, скрываясь из виду.

– Как всегда... – вздохнул Эрик, расположившись в кресле поудобнее. – Любит он переключать на меня заботы.

– А по-моему, он вам очень доверяет, – уверил я, сидя напротив своего собеседника. – Можете рассказать, как Рина появилась в вашей жизни? Мне сейчас будет очень важно знать, как росла ваша дочь. Возможно, причины ее поведения – в каком-то событии из прошлого.

Ещё один вздох – и мой собеседник погрузился в воспоминания почти тринадцатилетней давности.

⁶ Цветовой тест Люшера – проективная методика исследования личности, впервые опубликованная швейцарским психотерапевтом Максом Люшером в 1949 году. Тест Люшера по своей структуре напоминает тест цветных пирамид Пфистера (1951). Имеется также сходство с тестом Фрилинга, особенно при сопоставлении восьмицветового теста Люшера с соответствующими карточками Фрилинга. – Примеч. ред.

Арка II. Появление

Глава 4 Новая жизнь

Эрик.

Ребенок появился в нашей жизни неожиданно. Удочерение Рины стало настоящим испытанием на прочность. Я не хочу жаловаться и едва ли что-то поменял бы, отмотай время назад. Но все же. Я не был тогда готов к подобному.

С самого начала общество разделило наши с Адрианом роли. Оно строго регламентировало такие отношения «розовым» законом, поэтому выбраться из них никак не получалось. А с появлением ребенка они только сильнее закрепились. Хотя, может, по этой причине мы так долго вместе? Институт «розового» брака ведь почти век существует в том или ином виде.

Сказать, что это разделение было хорошим, трудно: Адриан – не тот человек, которого устраивает сидеть в четырех стенах. Да и как домохозяин он тоже не блистает талантами, пусть его и учили вести быт. Я привык к постоянному бардаку в нашем доме. Часто доводилось, я наткался на стопки книг, разбросанные носки, футболки. Пару раз даже находил на полу тарелки с недоеденной едой. Готовкой моя вторая половина тоже не интересовалась, и мы по большей части покупали полуфабрикаты. Единственное, что напоминало нам обоим о том, что брак мы можем заключить, пусть и с некоторыми условиями, – метка в документах моего мужа. Да и какая разница, есть ли у нас кольца на пальцах и обруч на шее?

Детей мы не думали заводить... И это казалось едва ли не оптимальным решением. Конституция гарантировала нам право на частную жизнь, и никто не мог его у нас отобрать! Нас защищала легислатура штата.

Живя с Адрианом, я быстро привык к тому, что мой партнер дома днём не бывал, пропадая в промышленном районе Брумалтауна, иногда занимаясь там какими-то мелкими подработками. На большее ему не приходилось рассчитывать. Адриан – сирота. Ранее он работал на каких-то подозрительных ребятах. А его кредитная история отпугивала любого немыслимым количеством долгов. На хорошую должность с таким прошлым не стоит рассчитывать. Когда мы познакомились, он работал курьером, но в крупной компании, занимающейся доставкой документов. Это была самая приличная должность, на которую он тогда мог попасть.

Мои отец и братья были не в восторге от «оборванца» и поставили мне ультиматум: либо они, либо он. Я долго колебался, ведь семью я любил. Даже несмотря на все гадости, сделанные мне братьями, и всю чёрствость и холодность отца.

Решение я принял из-за угроз в адрес Адриана. Я узнал о них случайно, и это стало последней каплей: терпение лопнуло, и я послал всех к черту. С меня хватило попыток украсть у меня всё, что только можно, начиная от игрушек и заканчивая работой. Отец на моё заявление лишь выставил счет за все расходы. В основном они касались обучения. После уплаты долга меня вычеркнули из всех фамильных документов, начиная от завещания и заканчивая архивами семьи. Ну да, я же всегда был паршивой овцой. Выгодной, умелой, но паршивой и слишком не похожей на остальных родственников.

Деньги заработал быстро: в отличие от братьев я серьезно подходил к своей учебе, и знаний хватало, чтобы зарабатывать на жизнь без громкого фамильного имени. После оплаты осталась небольшая сумма. Что-то около двух годовых доходов. Из фирмы отца я ушёл сам, под перешептывания коллег и хохот старших братьев.

Перед нами с Адрианом встал вопрос о переезде. Требовалось место, расположенное максимально далеко от Вояджер Сити. Желательно тихое, где можно было бы осесть и спокойно жить без оглядки на суету крупного города. Остаться в Вояджер Сити ни я, ни моя половина не видели смысла. Суетливый, шумный, большой город хоть и изобилует работой, но и цены на жизнь в нём кусались. Конечно, в крупном городе ЗСЦ труднее следить за выполнением «розового» закона, но суета, шум и дороговизна на руку нам не играли. Я долго штудировал конституции штатов, искал все подводные камни и сравнивал цены на жилье.

Мы сразу отбросили идею переезда в ЮНК, там ЗСЦ лютовали так, что любое сожительство приравнивали к браку и через год оформляли таковой без ведома граждан. Свободы у конфедератов совсем мало, а их хартия и вовсе попирает некоторые права людей. *In maxima potentia minima licentia* – «Чем сильнее власть, тем меньше свободы» – то, что в полной мере отражает их текущее законодательство. Изучая все это, я вспомнил, как Адриан рассказывал, что жил когда-то в крошечном городке и что там точно можно спокойно существовать. Так мы и выбрали Брумалтаун. К тому же этот штат – один из самых либеральных и спокойных, что тоже являлось плюсом для нас. Бывшая Новая Англия жила в размеренном ритме с оглядкой на Европу.

И вот я расторг договор аренды своей квартиры, мы быстро собрали небольшие сумки с самым необходимым и отправились в аэропорт. Перелет и поездка на поезде заняли много времени, но я не жалел. Пару ночей после прибытия мы прожили в центре этого города, поселившись в дешевом мотеле. Хотели немного перевести дух после столь быстрого бегства. И наконец мы приступили к поискам собственного жилья. Понадобились смехотворные три дня. Вариантов тоже не сказать что было много: район в промышленной зоне, ещё одно место на северо-западе и дом на окраине престижного района. Все три варианта имели и плюсы, и минусы, но слишком долго думать над этим не приходилось. Заработков и лишних ресурсов в распоряжении мы не имели.

Первый дом мы отбросили сразу: он располагался слишком близко к сточным водам, свалке и электростанции. Ощущать по утрам смрад от ЭС – то ещё удовольствие. Как представлю – в дрожь бросает. Ведь ЭС работает на лендфиллгазе⁷. Это то место, где на один одноэтажный домик приходится стоянка двух или трех трейлеров. По стоимости получалось, что мы платили только за землю, и выходило неоправданно дорого за крошечный дом меньше пятисот квадратных футов.

Второй дом нам понравился куда больше. Красивый двухэтажный особняк на окраине престижного района города. Мы были в восторге от чистоты улиц и размеров земельного участка. Дом словно сошел с фотографий дорогих журналов: двухэтажный особняк, облицованный камнем, въезд и выезд для автомобиля, сад с ухоженными деревьями и кустами цветов. Да и сам юго-восток на контрасте с бедным районом завораживал.

Все казалось идеальным на первый взгляд, даже цена. Вот только одно останавливало: рядом с этим домом располагалось кладбище. Бывшие хозяева, как сказала риэлтор, три раза снижали цену, что было для района просто невообразимо. Ну да, дом за триста тысяч по соседству с особняками за миллион и выше.

Когда мы осматривались, я видел реакцию Адриана. Ему понравился такой вариант. Будь у нас дети, пришлось бы остановиться именно на этом доме. Но детей тогда у нас не было и не предвиделось, а соседство с кладбищем не лучше ЭС со свалкой.

Окраина города на юго-западе оставалась единственным вариантом. Она пустовала и напоминала заброшенную всеми глушь где на один жилой дом приходилось два пустых. Нас предупредили, что район, который мы выбрали, считается не самым благополучным и можно

⁷ Лендфиллгаз (биогаз) – газ из органических отходов, выделяющийся из мусора; биогаз, образующийся в результате анаэробного разложения органических отходов.

поискать более удачный вариант, скажем, в центре, но тогда мы уцепились именно за этот вариант. Квартиру мы приобретать не хотели. Все же собственный дом куда солиднее.

Цена за одноэтажную лачугу в стиле кейп-код⁸, тем более за какие-то жалкие полторы спальни, не казалось низкой. Даже моя старая квартира была больше! Но этот вариант на момент покупки казался самым удачным: адекватная цена, более-менее приемлемая площадь. К тому же поджимали сроки: слишком расточительно было жить в гостинице, не имея доходов. Хоть отец и получил своё с дивидендами, я не был уверен, что он или мои братья отстанут. Поэтому право собственности на дом необходимо было оформлять в кратчайшие сроки, ведь этим людям ничего не стоило испортить мне жизнь своими знаниями законодательства и умением манипулировать людьми.

Нам обоим приглянулось, что дом находился поодаль от соседей, в самом низу отлогой улочки Эмерсон-стрит. Зеленый район с большим количеством деревьев очень импонировал и мне, и Адриану. За нашим домом раскидывался небольшой перелесок, а расстояние до соседей скрывали массивные деревья.

В итоге этот дом мы и приобрели. Риэлтор заверяла нас, что дом не требует вложений, но все оказалось не так хорошо. Когда дом только рассматривался нами, я заметил, что в районе много пустых кейп-кодов. Нет, дело не в простоте и скучности рыбацких построек. В районе были серьезные проблемы с электричеством, водоснабжением и канализацией. ЭС с трудом справлялась с поставкой энергии в город, тем более на отдаленную окраину. Про отопление я вообще молчу! Увидев котел отопления на заднем дворе, я был шокирован! Как этот агрегат может работать и греть дом? Но, к моему удивлению, эта штука вполне справлялась. Единственное, что напрягало – работа котел от электричества. Но на самый крайний случай в доме ещё оказался маленький камин.

Понадобились время, деньги и силы, чтобы привести всё в порядок. К тому же ни я, ни моя половина не особенно в этом разбирались. Канализация так вообще подкидывала нам сюрприз за сюрпризом. Из-за этого пришлось ставить отдельную мусорку в туалете. Я тогда думал, что это просто кошмар!

Адриан же ёрничал: «Каково это – переехать в лачугу?», «С милым рай и в шалаше» и «Мы построим свой дом из дерьма и палок».

В ответ на все эти подколки только и оставалось что отмалчиваться, но мой хмурый вид говорил больше любых слов. Утешало, что это было и мое решение. Хотя проблемы не уменьшались, а расходы с каждым днем росли.

Со временем мы обустроили дом изнутри. Пусть скромно, но вполне уютно: Адриан первое время пропадал на разных гаражных распродажах, где можно было купить вещи за полцены, чтобы у нас появилось хоть что-то, на чём можно спать и сидеть. За неделю удалось обустроить две комнаты из трёх. Появилась посуда, некоторая кухонная утварь. Даже шкаф и тот наполнился, пусть и не самой дорогой одеждой. Ещё через некоторое время муж нашел сушилку и стиральную машину для прачечной. Я удивлялся, что за две громоздкие машины попросили всего четыреста долларов. Но потом узнал, что они были с одной и той же барахолки. Стиральная машина рвала тонкие вещи, а сушилка не переключала режимы и сушила на самом минимальном. Ввиду отсутствия доходов, это были не самые плохие вещи. Они тогда очень выручили нас. Вещей мы взяли мало, желая начать жизнь с чистого листа. И это удалось.

⁸ Кейп-код (англ. Cape Cod) – традиционный тип североамериканского сельского (загородного) дома XVII–XX веков. Характеризуется в первую очередь симметричностью фасада, деревянной наружной отделкой или деревянным каркасом, мансардными выступающими окнами. – Примеч. ред.

Пару месяцев я все же опасался встречи с отцом или кем-то из братьев. Но, к счастью, мои опасения не оправдались: семья забыла обо мне. Неудивительно – отец никогда не проявлял ко мне большой любви, а братья воспринимали меня только как конкурента за наследство.

Комнат вполне хватало, и я ловил себя на мысли, что нынешний дом уютнее того, в котором я вырос, несмотря на вечный бардак. Поразительно, но даже последнее не напрягало и не делало дом хуже. А постоянные шутки Адриана и попытки развеселить меня и вовсе наводили на мысли, что лучше то, что есть сейчас, нежели то, что было раньше. Муж придумал для нашего дома забавную кличку – «Наш хламовник». Что-то по принципу: клоповник – рассадник клопов, а хламовник – рассадник хлама.

Спустя месяц я устроился работу в одной из юридических фирм в соседнем городе, и мы с моим мужем оформили отношения в рамках, которые на тот момент предлагал закон, – без заключения брака.

Жизнь стала похожа на прежнюю, с ее покоем и привычностью. Нас обоих все устраивало. Денег на жизнь хватало от моих заработков. Адриан мог вообще не работать. Особенно с учетом мизерных доходов, которые для нашей семьи не имели большого значения. Но ему было невыносимо сидеть дома. Я же не настаивал. Наши отношения – не брак в официальном смысле, и труда уйти от меня Адриану не составляло. «Розовые» браки редко расторгают, а вот сожительство в этом штате даже нигде не фиксируется.

Сама мысль о подобном была невыносима, и я готов был на любые прихоти своего партнера, лишь бы мы были вместе. По крайней мере долго считал так.

Думаю, таких, как мы, сейчас можно встретить. Но я до конца не уверен. Кампания «За “розовые” браки» муссировалась с самых верхов во многих странах мира, пусть и не во всех. Следовательно, их привлекательность тоже была вполне очевидна. А когда речь идет о преимуществах, каждый хочет получить выгоду. «Каждая лягушка в свое болотце метит», – говорила когда-то мне мама. Теперь я понимал смысл этой поговорки.

До встречи с моим мужем я не думал о многих аспектах «розового» брака, и уж тем более не знал о них. На самом деле я до нашей встречи вообще не думал об отношениях. Почти всю мою жизнь занимала работа. Девушки, как и эно, в целом сторонились меня, считая непривлекательным партнером. Ну да, на фоне братьев-плейбоев... У меня до мужа были только одни серьезные отношения, закончившиеся не по моей инициативе.

Шло время. Наша совместная жизнь протекала спокойно и размеренно. Днями мы работали, вечера проводили за играми в приставку, чтением книг или комиксов и просмотром сериалов. Вот уж настоящие «диванные картошки»!

Но спустя полгода мужу пришла в голову идея фикс...

Глава 5

Ребенок

Эрик.

Едва Адриан заикнулся в один из весенних дней, что хотел бы воспитать ребенка, у меня волосы встали дыбом. Тогда я наорал на него и заявил, что это самая бредовая идея, которую я когда-либо слышал. В тот вечер мы впервые сильно поругались. Но это не остановило моего партнера.

Адриан не унимался. Уж не знаю, что так на него повлияло. Тогда не знал.

Он день ото дня доставал меня тем, как было бы хорошо, заведи мы малыша. И ладно бы речь шла о животном. На собаку я мог согласиться. Но ребенок... Это звучало лихо для такого безответственного человека, который едва ли понимал, какой груз хочет взять на себя. Не говоря уже о расходах, непосильных для нашей семьи.

Нет, я не против детей и при других обстоятельствах поддержал бы моего партнера с самого начала. Но в той ситуации и на тот момент эта идея была... мягко говоря, не дальновидной и легкомысленной.

Я долго отнекивался, пытаюсь сохранять статус-кво. В конце концов, ответственность за этого ребенка ляжет на меня как на единственного кормильца с постоянным доходом.

А ведь дети растут, и траты растут вместе с ними. Я с трудом представлял, как мы вообще проживем втроем. Страховки, еда, одежда, развлечения, школа с расходами на канцтовары...

Почти полгода я держал паузу. Адриан же настаивал, не пропуская ни единого дня. Наверное, с моих слов может показаться, что он давил на меня, пилил или пытался манипулировать. Но нет, это совсем не так.

Просто он часто говорил что-то в роде: «Если бы у нас был ребенок, у нее, скорее всего, был бы твой характер...» или «Если бы у нас была дочь, я бы хотел, чтобы она была похожа на тебя...». Я видел тоску в глазах партнера, но сдаваться не собирался. В сложившейся ситуации места ребенку в нашей семье не было. По крайней мере я так считал.

«Да и какие из нас родители?» – думал я всякий раз, когда Адриан вновь и вновь говорил об этом.

С детства мне говорили, что эно так воспитывают: твоя жизнь невысказана без детей и семьи. С тех пор мало что изменилось: большинство людей воспринимают эно как родителей и не более того.

Противостоять подобной установке практически невозможно, даже если ты не афишируешь своего пола. Вокруг, если оглядеться, полно семей с детьми. Добавьте воспитание, требования общества и ЗСЦ. Вот и получится своего рода циферблат часов.

Пусть мой партнер и не носил чокера на шею, он все равно ощущал давление общества: телевидение, радио, книги, окружение с детьми.

Да и от меня не могло укрыться, как Адриан говорил о ребенке. Мечтательно, с тоской и одновременно словно о самом ценном, что могло быть в жизни. Видимо, психологическое время пришло.

Постепенно мне стало казаться, что я все же сдаю позиции.

Я видел, что для мужа это не совсем идея фикс, а скорее мечта. Он ведь хотел семью. Как и я. А семьи у нас по некоторым причинам никак не получалось создать. Это удручало и даже пугало: мы могли разойтись в любой момент!

К тому же за то время, что Адриан пытался убедить меня, стало видно, что к подобной идее он относился все же вполне серьезно.

Прошло полгода. Я уже привык к этим разговорам и иногда даже поддерживал их. Думал, что, может, так муж успокоится и поумерит свой пыл.

Может, и правда через пару лет, когда мы обживемся окончательно, можно будет подумать о подобном. Может, тогда и ЗСЦ станут лояльнее относиться к сожительствам?

Но меня ждал сюрприз.

В тот вечер я немного задержался на работе. Мне досталось трудное дело, и пришлось долго собирать материалы, классифицировать дело, исходя из собранных данных, и искать подобные прецеденты в судебной практике. Когда я уходил, в офисе уже никого не осталось: засиделся за поисками в архивах.

Осенний вечер был очень душным, с наэлектризованным воздухом. Для начала октября это аномально. В остальные годы в это время уже всю господствовали туманы и холод. Наверное, это природа так радовалась за нашу будущую дочь?

Смеркалось. Небо заливали едва заметные прозрачные розоватые всполохи, в которые вплетались с оранжевыми и желтыми штрихами.

Фонари тоже не торопились загораться, ведь солнце ещё не скрылось окончательно. Ни единого дуновения ветра, от чего ещё больше сгущался воздух. В нем едва улавливался запах скошенной травы и опавших листьев, которые некоторые соседи не успели убрать со своих лужаек. Иногда из перелеска доносились голоса птиц.

Лишь небольшое жужжание проводов над головой напоминало о том, что скоро все же наступит вечер, а по округе разольется тусклый свет не таких и частых уличных фонарей и светильников на фасадах домов.

Развязав галстук и расстегнув ворот, я наслаждался ощущением свободы. Автобус давно высадил пассажиров и, развернувшись, отправился по своему маршруту. От остановки автобуса в самом начале улицы до нашего дома было ярдов пятьсот. Не так и много.

Я предвкушал тихий вечер с близким человеком, который поможет не думать о работе. Но это потом. Когда я переступлю порог дома. А пока, неторопливо шагая вниз по улочке, я все ещё думал о своем. В голове крутились мысли о порученном мне деле, и я перебирал все возможные аргументы обвинения. Это своего рода шахматы, где нужно предугадать как можно больше ходов противника.

Вдруг я поравнялся с двумя людьми в форме ЗСЦ. Задумавшись, я не заметил их ранее. Нашивку на синей форме невозможно ни с чем спутать – это точно были «защитники».

Сердце пропустило удар, потом подпрыгнуло, напившись кровью и сделав смачный плевок сгустившейся плазмы куда-то внутрь. Стало почти физически больно дышать.

«Про нас узнали?» – в ужасе подумал я.

Работа сразу же ушла на второй план. Если «защитники» про нас разнюхали беды точно не оберешься! Они ведь могут и в суд подать! А отбиться практически невозможно! Я ещё до переезда узнавал про них и, как уже говорил, боялся такого внимания к нашим персонам. Хоть либерализация и шла полным ходом, хватка «защитников» семейных ценностей от этого несколько не ослабевала. А может, именно из-за этого только становилась сильнее?

И пусть нас защищала легислатура и гарантия неприкосновенности нашей частной жизни, если наши отношения всплывут, защитникам не составит большого труда нарыть на нас достаточно материалов. А там и до вполне серьезных последствий недалеко!

В голове сразу возникать картины – одна хуже другой.

И все же где-то теплилась надежда, что эти люди пришли не по нашу душу!

Вроде неподалеку от нас жила неблагополучная семейка каких-то люмпенов. У них даже были дети. Я слышал это несколько раз, когда утром ждал автобуса до станции. Мужчина и женщина перешёптывались, что их соседи напротив просто отвратительные родители и что стоило бы сообщить в ЗСЦ, пока дети не получили психологических и физических травм.

«Может, это к ним?» – попробовал я себя успокоить.

Как только зээсцэшники прошли мимо меня, обсуждая что-то. Я свернул у ближайшего дома, сделав вид, что живу в нем. На самом деле это здание пустовало. К счастью, не было

таблички «Продается» – и мой трюк сработал. Защитники дошли до начала улицы и свернули в сторону остановки, скрывшись из виду.

Потом, от греха подальше, я обошел дома через небольшой перелесок, выходящий к глубокому искусственному озеру. Этого, может, и не требовалось, но я хотел успокоить свои мысли и перевести дух после тех жутких картин, что ещё недавно рисовались моим воображением.

Котлован, что располагался за редкими деревьями и просекой, служил пожарным водохранилищем. То, что водоем искусственный, было очевидно любому, кто хоть раз бродил в этом месте.

Глубокое, правильной формы озеро со стоячей мутной водой без единого оттока или притока. Ну да. Его строили только как водохранилище, притом для конкретной цели.

Искусственность выдавала не только изоляция от любых проточных вод, но и маленькая запруда рядом, ставшая болотом с илистым дном, от которого всегда тянуло сыростью и разложением. Неудивительно, что летом тут было много мошкары, а ранней весной громко квакали жабы. Все это привлекало в перелесок птиц и другую живность.

Пройдя окольным путем и все же успокоив себя, я оказался у двери нашего дома.

В окне, выходящем на парадный вход, горел свет. Адриан был дома!

Вздыхнув, я повернул ручку и медленно вошел внутрь. Ключ не требовался – мы с самого начала договорились не запираеть дверь если кто-то был дома.

Муж, судя по звукам, возился на кухне. Это насторожило. Я не видел, что он делал, но прекрасно знал: кухня – не то место, где мой партнер был готов проводить много времени за приготовлением пищи.

Вдруг я услышал:

– Не бойся, Эрик хороший. Вы непременно поладите. Уверен, ты ему понравишься, Рина. Рина?! Неужели Адриан настолько хотел ребенка, что нашел женщину на стороне?!

Земля медленно уходила у меня из-под ног. Теперь я боялся не ЗСЦ, а своей необъятной ревности. Я не знал, как реагировать на подобное, и понятия не имел, как поступлю сейчас. Даже если эта женщина и просто суррогатная мать. Я аж побелел от злости, стоя посредине гостиной.

Потом тихо подкрался к арке, что вела в кухню и... обомлел ещё больше!

Перед глазами предстала следующая картина: на столе стояло детское автомобильное кресло, видимо использовавшееся в качестве переноски, напротив которого, спиной ко мне, сидел Адриан продолжая:

– Вот так. Хорошая девочка.

Я пересилил себя и, подойдя ближе, заглянул через плечо партнера. На руках Адриана сидел крошечный ребенок. В комнате больше никого не было, значит, обращение «Рина», адресовалось ему. Точнее ей.

Девочка пила что-то из бутылочки, глядя огромными фиолетовыми глазами то на мою пару, то на потолок.

Ревность утасла. А вот злость разгорелась с новой силой: неужели мое мнение ничего не значит в этом доме?

Наши с девочкой взгляды встретились, и я снова ощутил прилив злости. Нет, не по отношению к ребенку. Она тут была ни при чем. Злость адресовалась Адриану!

Я прокашлялся, дав понять, что все вижу. Адриан медленно повернулся и, улыбаясь, сказал:

– Рина, поздоровайся, это Эрик.

Я аж поперхнулся. Но все же нашел в себе силы сказать – настолько спокойно, насколько только мог:

– Значит, ты решил все за меня?

– Я ничего не решал за тебя. Это мой выбор.

Адриан вновь повернулся к девочке, не сказав больше ни единого слова.

В голове сразу же закрутились вопросы: «Куда смотрели органы ЗСЦ? Как он всё сделал так тихо, что я ничего не знал?»

Мне на глаза ни разу не попадалось ни единого подозрительного документа, а муж вел себя как обычно, ничем не выдавая своих действий за моей спиной.

Адриан просто поставил меня перед фактом: вот ребенок, она его дочь, теперь она будет жить с нами – и точка.

Правда, муж заявил, что от меня ничего не просит, и все заботы о девочке, как и финансовые расходы, лежат только на нем.

– Можешь не помогать, сам справлюсь, – наконец огрызнулся любимый на мою реакцию, встав из-за стола, и понес сонную кроху в ее комнату, даже не обернувшись на меня.

Мне показалось, что не последовало хлопка дверью тогда только из-за ребенка.

Ещё раз ругаться не было ни сил, ни желания. Я лишь грустно вздохнул, убрал кресло со стола на пол и побрел в спальню.

Оставалось предвкушать, как через пару недель буду вставать и вприпрыжку бежать на громкие крики, формально даже не являясь опекуном.

С того вечера в доме воцарилось гнетущее молчание.

Ну и ситуация: идти некуда, разминать дом, за который ещё не произведены все выплаты, казалось задачей малоприятной и затратной.

От осознания возможного расставания мне стало настолько тошно, что захотелось выпить! Много выпить! Сдержало только то, что следующий день – рабочий.

Кажется, тогда я впервые ощутил, как у меня дергается глаз.

Позднее меня стали одолевать совсем иные мысли: помимо свалившейся ответственности меня грызла совесть, что Рина будет жить в такой странной семье.

Тогда мне казалось, что мы, помирившись, не сможем дать ей той любви, которой она заслуживала. Что Рина будет от этого страдать. Да и какую любовь могут дать те, кто видел ее максимум в книгах и фильмах?

Я помнил своих родителей. Как они развелись. Это, пожалуй, одно из самых сильных потрясений в моей жизни.

А для этой девочки все может оказаться куда хуже! Мы ведь даже не семья с точки зрения закона!

Ещё я переживал о том, что мы будем говорить посторонним: мы и так старались не афишировать наших настоящих отношений на тот момент. Люди не задавали лишних вопросов: им не было до нас никакого дела. Но ведь тогда мы не имели ребенка и не подпадали под юрисдикцию ЗСЦ или общественников. А если с Адрианом что-то случится? Кто станет опекуном? Или же если объявятся ее родственники? Что тогда мы будем делать?

Моего партнера словно вообще не волновали все эти условности. Его решение казалось спонтанным и крайне необдуманным. Я негодовал от этого, но высказать мнения не имел возможности. Так и заснул. Впервые за четыре года – в одиночестве.

Наутро ничего не изменилось: муж хоть и поздоровался, но сразу же переключил все внимание на девочку, занимаясь приготовлением для нее еды и бормоча какие-то глупости. И в следующее утро все повторилось. И снова. И снова... Больше мы не общались. Разве что утром парой фраз перекидывались и вечером.

Игра в молчанку между нами затягивалась и длилась уже больше недели. Тогда я ощутил всю полноту фразы «одиночество вдвоем». Вроде ты не один, а толку?

Почему именно так?

Первую ночь Адриан спал не то в детской, не то на диване. Остальное время, как и ранее, мы делили одну постель, пусть я и продолжал злиться на его поступок.

Это же надо было додуматься: провернуть удочерение без моего на то согласия! Нет, я понимал, окажись моя пара девушкой, вполне могло произойти нечто подобное. Никто не отменял биологии и незапланированной беременности. Но тогда бы и мы были в другом статусе, и общество отнеслось бы к подобному иначе. Да и до рождения ребенка у нас оставалось бы время. В нынешней же ситуации такой роскоши не оказалось. Как, собственно, и поддержки общества и какого-никакого статуса.

С появлением Рины распорядок нашего дня, на удивление, почти не изменился: я работал как и раньше, а Адриан сидел дома с дочерью или бродил по магазинам в поисках нужных для нее вещей.

Так, за три дня наполнилась комната, в которой ранее стояла только наспех собранная кровать. Теперь в ней оказались небольшой комод, пеленальный стол, мобиль, или как эта штука называется? Игрушек разве что всего две – на полу и на полке. Хоть на этом спасибо.

Теперь я точно знал, где пропадал Адриан. Это тоже можно отнести к плюсам.

Я проводил большую часть времени на работе специально: домой идти не хотелось.

Постоянно искал повод оставаться в офисе как можно дольше, а домой добирался самым длинным маршрутом. Я оправдывался тем, что на вокзале в шесть вечера много народу. Странное оправдание. Даже тогда я чувствовал его слабость.

Каждый раз, возвращаясь, я с ужасом ждал, что меня застанет куча обязанностей по уходу за девочкой. За четыре года отношений я хорошо узнал своего партнера и все ждал, когда же ему надоест родительство.

Внутренний голос твердил мне: «Готовься, сегодня ты непременно будешь нянькой».

Приходя, однако, я видел совсем иную картину: ужин на столе, пусть и покупной, и спящего на диване Адриана, ждавшего меня. К тому моменту девочка тоже спала в своей спальне, убаюканная звуками этой висящей над кроватью штуки.

Это удивляло: такое поведение совсем не в духе Адриана.

Я привык, что Адриан – человек ветреный, немного легкомысленный. Увлекающийся, но быстро остывающий к своим увлечениям.

Я помню множество его хобби и интересов, благополучно забытых или брошенных при первых же неудачах. Так случилось и с поездкой, после одного отказа в визе. И, хотя подать новое заявление можно было спустя пару недель, Адриан не стал этого делать. И с получением водительских прав. И даже с какими-то курсами.

Но с Риной все обстояло иначе. И с каждым днем я видел происходившие с Адрианом перемены все отчетливее, хотя все ещё пребывал в плену своих заблуждений и страхов.

Несмотря на размолвку, муж пытался показать, что я все ещё что-то да значу для него.

Я видел, что ему обидно наблюдать отсутствие поддержки с моей стороны, но он стоически держался, не смотря ни на что.

Он действительно старался заботиться о Рине. Чего только стоили пробуждения посреди ночи, когда дочь громогласно оповещала о своем желании поесть или о справленной нужде.

Опасения не оправдывались, хотя я и ждал, что в один момент все свалится на меня. Это был мой самый большой страх в то время.

Честно, я не знал, как себя вести в подобной ситуации, и меня разрывали противоречивые чувства: любовь к Адриану и одновременно злость и обида – ведь мое мнение просто проигнорировали.

Первый месяц жизни Рины стал бессонным для нас троих: я постоянно просыпался, прислушиваясь к плачу и шорохам.

Не то чтобы я чутко сплю, но любопытство и громкие крики помогали проснуться. Мне все время казалось, что вот сегодня Адриан, даже проснувшись, не сделает ровным счетом ничего. А может, и вовсе растолкает меня и капризно скажет: «Сделай что-нибудь, я устал!»

К счастью я оказался не прав.

Каждую ночь минимум четыре раза он вставал по первому писку и возвращался в кровать только спустя полчаса – час. И судя по звукам, он действительно кормил, передевал или успокаивал проснувшуюся Рину.

Но, несмотря на постоянные пробуждения, я вполне высыпался, в отличие от мужа. Да и дорога до работы давала возможность прикорнуть, пусть и на какие-то полчаса.

За свои мысли и поступки становилось стыдно: я уходил, пока они спали, и приходил, когда они либо готовились ко сну, и Адриану было некогда, либо когда они *уже* спали.

В выходные я тоже не вмешивался, оставаясь сторонним наблюдателем с газетой в руках или сбегая в бар, чтобы не сидеть дома и не видеть попыток наладить контакт.

Алкоголь, правда, мало помогал: после пары стаканов виски мне уже ничего не хотелось. Мысли же о произошедшем никак не желали покидать моего разума. Удивительно, но мне не удавалось забыться ни на работе, ни в баре, ни на улице! Этот бич никак не желал отпускать меня.

Так я и сидел за барной стойкой с пустым стаканом и кислой миной. Не проходило и получаса, как меня просили покинуть заведение, если я не буду покупать ещё что-то из алкоголя. Бар тут один, и желающих его посетить, тем более в субботу, хватало и без меня. Приходилось идти домой.

Возвращаясь после очередной попытки утопить свои мысли в виски, я невольно задумался: «Так ли все плохо?»

Этому поспособствовала и милая девушка с маленьким ребенком, встреченная по пути. Малыш хоть и был старше Рины, но все равно напомнил ее.

Женщина шла, толкая вперед коляску и радостно что-то напевая, а ребенок играл с какой-то плюшевой игрушкой. Они поравнялись со мной, пока я сидел в ожидании автобуса и думал о произошедшем.

На секунду мне показалось, что это Адриан и Рина. Но морок развеялся, оставив меня со странным ощущением тепла и покоя.

Сев в автобус, я продолжал прокручивать события этого месяца: мой партнер все время пытался наладить контакт.

Это я из-за обиды игнорировал его попытки.

Адриан ведь через несколько дней стал пытаться заговорить со мной, даже несмотря на размолвку. Но я давал понять, что не желаю общаться. Понимая причину моей обиды, муж лишь продолжал робкие попытки со своей стороны, не переходя определенной черты.

Я помнил его слова о том, что ему не нужна моя помощь, и с любопытством ждал, когда настанет тот день и я злорадно смогу сказать, что прав относительно происходящего.

Хотя, признаться, я этого не хотел. Наблюдая, пусть и вскользь, за стараниями Адриана, видя его отношение к ребенку, я начинал думать, что, может, это я не прав.

Мои страхи с каждым днем все отчетливее обращались в прах: почти все силы муж отдавал уходу за дочерью, играм с ней и ее обучению, ведь ясли – удовольствие не из дешевых. Нормальные, я имею в виду. А с нашими доходами рассчитывать на подобное и вовсе не приходилось.

Иногда я ловил себя на мысли, что должен ревновать Адриана к этой девочке, но ревности я не испытывал.

Правда, и любви к Рине как к дочери у меня тоже ещё не возникло. Я воспринимал ее скорее как часть Адриана. Как нечто само собой разумеющееся.

Постепенно мне стало казаться, что все так, как и должно быть: что и муж, и Рина – моя семья. Я привык, что они просто рядом, пусть я и не испытывал любви к Рине и просто терпел ее.

Когда я оставался дома, то отмечал, что муж постоянно держал свою дочь на руках, играл в какие-то дурацкие игры: качал, закрывал глаза и спрашивал: «Где папа?», показывал какие-то карточки.

Девочка же реагировала на это, издавая нечленораздельные звуки.

Мне казалось подобное обращение лишним, но ведь тогда это было не мое дело. Своего мнения я не высказывал, держа при себе.

В один из вечеров, придя домой, я застал Адриана спавшим в детской, сидя на полу и прислонившись к спинке кровати. Девочка тоже спала, укрытая теплым одеялом.

Это произошло примерно через полтора месяца после появления Рины в нашем доме. В тот день случился ураган и резко похолодало. Никто не был готов к подобному. Из-за перегрузки электросети отключилось отопление. О перебоях в электроснабжении сообщили по радио. Но я не придавал этому значения, занимаясь сбором документов и поиском нужных статутов.

Думаю, Адриан провел этот день очень насыщенно, ища теплые вещи и пытаясь вызвать мастера. А может, и разводил огонь в камине.

К моему возвращению гостиная, как и детская, прогрелись, следовательно, все получилось, и юнит на заднем дворе заработал. Или же, может, просто починили сеть. В камине золы или углей не было, следовательно, беспокойным день был во всех смыслах.

Это тронуло меня – я раньше не замечал такого упорства. Обычно идеи Адриана не заходили дальше мыслей. И все полгода, что я держал дистанцию, я надеялся, что и мысль о ребенке тоже канет в Лету сонма других не менее бредовых идей. Не канула.

Я понял это, когда стал поддерживать эту тему, пусть и не так восторженно. А теперь я только убедился, что идея для моего партнера не была такой уж блажью. Да и опасения, что ребенок пополнит послужной список начинаний, брошенных из-за трудностей, тоже развеивались с каждым днем.

В тот вечер я на руках отнес мужа в спальню и осторожно уложил в кровать. Потом все же вернулся в детскую и сменил одеяло у ребенка. Думаю, она бы не смогла его сбросить, стань ей жарко. А дом уже прогрелся достаточно для такого теплого и плотного покрывала.

Несмотря на то, что Адриан сделал за моей спиной, я все же его любил. Да и Рина постепенно стала чем-то обыденным и привычным.

Всякий раз, возвращаясь домой, ловил себя на мысли, что мне вполне комфортно. Это точно мой дом и точно близкие мне люди. Уже и не помню, когда в голове промелькнули старинные поговорки: «Если любишь дерево, полюбишь и ветку» и «Похвали ребенка – и тебя полюбит его мать».

К эно эти поговорки тоже вполне логично применялись.

Хотя между нами все также было напряжение из-за размолвки, и общение ограничивалось ли короткими репликами: «Доброе утро», «Передай...» и «Я сегодня поздно...».

Это отвратительно: спать в одной кровати, жить в одном доме, но общаться настолько формально.

И самое неприятное, что это я не делал шагов к примирению, игнорируя таковые со стороны мужа. Жить в том состоянии, в котором оказались мы трое, стало самым невыносимым испытанием.

В очередные выходные я предложил Адриану отдохнуть. Хотел таким образом сделать первый шаг.

Поводом для попытки с моей стороны стало преддверие Рождества, до которого оставалось около двух недель.

– Давай сегодня с Риной позанимаюсь я? – предложение даже мне самому показалось странным.

Муж сначала воспринял это с настороженностью... мол, с чего бы это?

Но быстро согласился. Сказались усталость и истощённость.

Даже показалось, что у него жар – ему точно стоит этот день отлежаться.

К тому же Рождество – повод отдохнуть и просто провести время с семьёй как простому трудяге, так и богатому промышленнику. Почему бы не попробовать наладить мир в доме?

После получаса объяснений: что, как, и зачем – Адриан вручил мне тёплый крошечный комок, одетый в жёлтый зимний комбинезон, а сам отправился спать.

– Ее еда в шкафу, на второй полке. Витамины там же. Две таблетки на один прием. Их нужно растолочь и смешать с соком. Получается примерно одна ложка порошка на пять ложек жидкости, а то она выплюнет все на тебя. И... – чуть помедлив, – сменная одежда в ее спальне, если понадобится.

Дверь в нашу комнату закрылась, оставив меня наедине с ребенком.

Это был один из самых неловких моментов в моей жизни!

Я не понимал, что же делать, и просто стоял в центре гостиной с Риной на руках.

Держа ее, невольно отметил: девочка совсем крошотная. Ее тело под одеждой было легким, худеньким, даже несмотря на то, что все дети в этом возрасте казались мне полными. Нет, к Рине это не относилось. Она выглядела слабой, истощенной, хрупкой.

Показалось, что ещё немного – и девочка расплачется, а я понятия не имею, как ее успокоить: при Адриане она ни разу не ревела.

Тогда я представил, как на крик кто-то из соседей вызовет «защитников». Вот уж точно у нас будут проблемы.

Рина же сидела на моих руках и внимательно меня рассматривала: она же меня видела крайне мало за этот месяц. Раза четыре или пять от силы – и то в выходные, когда бодрствовала. Едва ли этого в ее возрасте хватало, чтобы сформировать хоть какую-то привязанность.

Я ждал и думал: «Сейчас все станет плохо». Тогда впервые поймал себя на мысли, что Рина похожа на моего мужа и может являться его родной дочерью.

По крайней мере у них были одинакового цвета волосы, похожее выражение глаз (хоть и различался цвет), одинаковый цвет кожи. Что-то неосязаемое в их внешности и жестах заставляло думать о родстве.

Большого я не смог заметить: девочка была слишком мала.

Мысли об измене радости не прибавляли, но это хоть как-то оправдывало появление ребенка в нашем доме.

– Ну, здравствуй, – все, что я смог сказать, когда крошечная ручка попробовала дотянуться до моей щеки.

– А-а-а, – протяжно, но при этом достаточно спокойно произнесла Рина.

Ей явно было интересно наблюдать за мной.

«Вот и познакомились», – подумал я, вздохнув с облегчением, поняв, что малявка не собирается реветь.

День вдвоем оказался вполне спокойным. Не ожидал, что все будет так обыденно и привычно.

Я поиграл с Риной. Особенно ей понравились ключи от дома с их звоном. Мы с ней погуляли по перелеску у дома, даже вышли к озеру и сходили в магазин за ужином.

Снега в тот год выпало очень мало. Перелесок едва припорошило. Это напоминало скорее позднюю осень, чем начало декабря.

Дома почему-то не оказалось коляски, и пришлось весь этот день носить девочку на руках, как это делал Адриан.

Нет, это совсем не тяжелая ноша. Скорее немного неудобная, ведь специальный рюкзак крепился спереди.

Теплая маленькая Рина умиляла, как и Адриан в тот вечер, когда отключилось отопление.

Она тянула ко всему руки и дома, и на улице, с любопытством смотрела на белый снег – первый в ее жизни. Она что-то лепетала на своем незамысловатом языке, представлявшим для меня набор звуков.

Рина в тот момент походила на совсем маленького зверька, считавшего, в силу неопытности, меня матерью. И только я, взрослый, понимал, что это не так. Я не ее мать и даже не отец или опекун.

Правда, тогда я все же начинал пересматривать свое отношение к этой девочке. Она не плакала, не боялась меня.

Наоборот, ей было интересно такое внимание с моей стороны. Это спокойствие подкупало. А если добавить внешнее сходство с Адрианом!

Когда мы зашли в супермаркет, Рина тут же заголосила, чем немного озадачила меня. Она не плакала, не кричала от того, что ей чего-то захотелось.

Просто она была в восторге от ярких рождественских декораций, баннеров с красивыми рекламными, а ещё узнала в магазине яблоки, апельсины и печенье, пачку которого умудрилась уронить, пока я искал нужное на полке с товаром. Удивительно, как она смогла ухватиться своими крошечными руками за такую массивную и достаточно тяжелую коробку.

– Нет-нет, – поставив пачку на место, заметил я. – Так делать не стоит.

Люди оборачивались на нас. Особенно от того, что спокойный тон никак не сочетался с моей внешностью. Я всегда выглядел старше и серьезнее, чем был на самом деле. В работе мне это помогало, а вот в общении – только мешало.

Наверное, окружающие жалели Рину, думая, что она – мой ребенок, а я – строгий отец.

– И-и-и? – рука малышки снова потянулась к полке.

Пришлось искать что-то, что отвлекло бы ее внимание. Опять пригодились ключи, звон которых сработал как погремушка.

Меня озадачило, когда девочка стала тянуть руки к изображению бабочки на какой-то упаковке, а потом – к бутылке шампуня с таким же изображением. Значит, ей нравятся бабочки. Не могли же ей нравиться столь разные вещи, как шампунь и кукурузные хлопья.

Потом был обед, во время которого Рина меня прилично испачкала.

Я к тому моменту напрочь забыл про наставление Адриана. И в результате еда оказалась на моей рубашке и на комбинезоне ребенка.

Поэтому, когда девочка заснула, я занялся внеплановой стиркой.

Пришлось вспоминать все, что когда-то было в школе, на курсах по половому воспитанию, где почти месяц выделили такой теме, как забота о детях. Не сказать что достаточно. Многие подростки в моем классе благополучно проваливали зачет по этому предмету, считая, что заботы о ребенке можно переложить на своих супругов-эно. Это касалось и мальчишек, и девчонок.

Со второй попытки переодеть Рину у меня получилось. Именно тогда, устав от внимания, девочка заснула прямо на пеленальном столе. Сама. Без единого моего усилия. Это ещё больше подкупило. Тогда я подумал, что, может, из этой странной затеи что-то и получится? Может, и правда стоит попробовать.

Про одеяло я случайно подслушал разговор двух моих коллег, когда одна в кофе-руме жаловалась другой, что ее ребенок из-за тепла писается в кровать. Услышанное и уже имевшиеся у меня сведения о том, как кормить и пеленать ребенка, – собственно, были все мои познания о детях на тот момент.

Отличие от моего партнера, которому с 15 лет постоянно намекали, что его обязанность – воспитывать детей. Это его единственное везение в жизни – оказаться в закрытой школе не в 8, а в 15 лет.

Я знал со слов Адриана: прошедших в первый раз тест Гарта и получивших нужную оценку очень серьезно обучали таким вещам, как забота о детях и ведение хозяйства. Это то немногое, что вспоминать мужу не хотелось, и то, что я чудом вытянул из него когда-то.

Адриан проснулся в полседьмого.

– Ну как? – спросил он, выйдя из комнаты и потягиваясь.

Было видно, что сон пошел ему на пользу, и мой партнер не выглядел таким разбитым, как утром.

– Удивлен, – честно признался я, сидя на диване. – Не ожидал, что ты справишься.

– Капризничала? – поинтересовался муж, сев рядом со мной.

– Не особенно. Только пару пачек в магазине опрокинула. И испачкала меня, – я обнял Адриана за плечо – впервые за долгое время.

Рина тем временем сидела в кресле-переноске и играла с висевшими на ручке игрушками.

– Она любит бабочек? – вспомнил я про магазин.

– Да, – пожал плечами муж. – Ей нравится песня про бабочку. Мне кажется, она ассоциирует ее со мной. Но я пока не уверен, – лёгкая усмешка. – Она так же реагирует на все круглое.

– Ниа! – раздалось из переноски, смешавшись с шумом одной из погремушек.

– Рина, не злись, – Адриан переключил внимание на дочь. – Они на то и висят, чтобы ты училась их доставать. Смотри, – он нагнулся и одним пальцем качнул блестящую красную бабочку.

– Она так злится?

– Да, – кивнул Адриан. – Начинает сопротивляться и пытается вырваться.

Уловив движение погремушки, Рина протянула руку и неуклюже ухватила ее, потом протянула вторую и попыталась оторвать. Не вышло.

– А? – в глазах девочки блеснули озорные искры. – О-о-оа! – продолжила она, качая блестяшку.

Я наблюдал за этим, и мне казалось, я не узнаю Адриана. Вечный подросток сейчас выглядел взрослым, ответственным человеком. А проведя день с Риной, я понял, каких сил стоили заботы о ней. И это при том, что мне не пришлось успокаивать ее. Все же какой бы легкой и маленькой девочка ни была, она требовала слишком много моральных сил и внимания, что на самом деле было совсем нелегко.

– Как ты умудрился ее завести? – спросил я, глядя, как Рина продолжала играть.

Я никак не мог понять, является Адриан ее родным отцом или нет. Сходство, казавшееся очевидным, при ближайшем рассмотрении истаяло: другие глаза, как цветом, так и разрезом, более светлая кожа. Хотя, может, она просто похожа на мать?

Новая мысль об измене оказалась больнее первой. Я не знал, что делать, если выяснится, что это правда.

Вот теперь во мне просыпалась ревность. Да и в случае с женщиной Адриану было бы куда проще завести семью, чем оставаться со мной и играть роль дальнего кузена. Понимая последнее, я ещё больше расстраивался, переживая возможное расставание.

– Долгая история, – отмахнулся муж. – Пойдем ужинать?

Адриан осторожно взял дочь на руки и, встав с дивана, ушел в кухню. Я понял – мне ничего сейчас не скажут, даже «под пытками».

Сейчас он будет менять тему, отшучиваться и едва ли скажет мне хоть крупицу правды.

К тому же скоро Рождество, и ругаться перед этим светлым праздником мне совсем не хотелось. Даже мои братья, скандальные и своенравные, в это время старались вести себя хорошо. Уж не знаю, страх ли перед угольками вместо подарков срабатывал или все же атмосфера семейного тепла и предстоящего праздника.

– Ты идешь? – послышался озорной голос из кухни.

Я вздохнул в ответ свои мысли и последовал в кухню, где уже грелся купленный ужин.

Оставшийся вечер мы провели втроём. Я очень скучал по нашим былым отношениям и решил попробовать восстановить хоть что-то. Этот шаг был за мной.

Впервые за месяц общение стало таким, как раньше, словно мы жили втроем с самого переезда. Муж не акцентировал внимание на нашей размолвке, он тоже скучал по бывшему теплу. Девочка же просилась ко мне и постоянно тянула свои крошечные руки, на что Адриан хихикал:

– Скоро буду ревновать.

Так прошла неделя.

Глава 6

Тайна

Эрик.

Дни были похожи один на другой: Адриан по-прежнему занимался дочерью, я работал. А вот вечера мы проводили втроём.

Атмосфера в доме стала совсем семейной: совместные ужины, общение, прогулки. Мы вместе нарядили рождественскую ель, пусть и пластиковую. Все гирлянды мы сделали в этот раз сами. Да, ель в этом году оказалась куцей, страшненькой, похожей на нищенку в лохмотьях и дешевых лентах. Но это был наш праздник! Мы проводили время вместе, и это оказалось куда ценнее.

Я начал привыкать, что теперь есть ещё и Рина со своими потребностями, а она тянула свои руки ко мне все чаще, пытаясь погладить или ущипнуть (хотя последнее ей почти не удавалось).

Совместные игры пока плохо получались, но на большее рассчитывать не приходилось.

Точнее, Адриан объяснил, как занимался раньше, и предложил попробовать и мне.

– Давай. Может, у тебя получится лучше! – подначивал он.

Так и играли: Рина, сидя на руках отца, смотрела на карточку с чем-то, а потом глазами искала тот или иной предмет в комнате и неуклюже показывала на него. Пыталась показать. В один из таких вечеров я узнал, почему девочку зовут Рина. Оказалось, что это имя ей придумал Адриан. Оно переводится как «веселая песня». Что ж, видя улыбку крохи, я только и мог согласиться: имя подходило ей как нельзя лучше.

А когда Рина ухватила за мой палец, сидя у меня на руках, и вовсе удивилась: какая же девочка слабенькая.

К концу недели Рина стала меня узнавать, улыбаясь во время совместных игр. Ей нравилось мое общество... Адриан же, как я отметил, почти не спускал ее с рук. Мне иногда казалось, что он слишком балует дочь и потакает ей. Она ведь должна уже ползать, как минимум, а как максимум – делать первые шаги. Но я ни разу не видел этого – девочка все время сидела либо в переноске, либо на руках Адриана. Даже во время прогулок. Это с одной стороны меня настораживало, но с другой – я вспоминал слабенький хват, когда Рина держала мой палец, и это снимало все вопросы по поводу развития некоторых двигательных функций дочери. С такой слабостью она ещё не скоро будет сама ходить.

И все же любопытство не покидало меня: из-за чего Адриан решил завести ребенка? Он явно что-то скрывал. Червь сомнений точил каждый раз, когда я видел Рину. Хотя теперь я относился к ней куда теплее.

Она оказалась спокойной и терпеливой крохой, что очень импонировало мне. Более того, я начал привыкать к мысли, что, может, и в самом деле у нас все получится? Может, мы сможем воспитать Рину. Даже с учетом полного отсутствия поддержки с чьей-то стороны.

Противоречивые мысли не давали покоя, и я ещё раз попробовал заговорить о появлении ребенка в нашем доме.

Но слова в этом деле оказались плохими помощниками: все вопросы Адриан игнорировал или переводил в шутку.

В итоге оставался только один вариант – секс. Весь этот месяц у нас не было близости, и мы оба тяжело переносили это. Не удивительно, что Адриан легко согласился, не зная, что за предложением скрывался небольшой подвох.

Я мог бы попробовать разговорить его и другими способами. Но давить на любимого человека я не мог и не хотел. Это низко и подло. Алкоголь был неплохим вариантом, но с учетом Рины у меня не вышло бы заманить Адриана в бар. Да и выпить столько же я не мог,

как бы ни любил иногда таким образом расслабиться. Перепить моего партнера практически невозможно.

Я надеялся, что после секса муж перестанет сдерживаться и расскажет все сам. Даже был готов простить своей паре измену...

Не сработало: Адриан уснул, так и не проронив ни единой подсказки.

Я понимал, Рина отнимала слишком много сил, а если учесть, что я толком не помогал, то и вовсе удивительно, что мой партнер не отключился ещё в процессе, а дождался и моей разрядки.

В ту ночь я всматривался в лицо спящего Адриана и никак не мог выбросить свои мысли из головы. А мысли были слишком неприятными и слишком тягучими. Я прокручивал разговор в день появления Рины, тот едва не начавшийся скандал и единственное, что удалось вытянуть из мужа, – девочка приемная.

Но это не отменяло возможного родства. Может, Адриан узнал о ее существовании недавно? Тогда не сходились даты нашего переезда и предположительного дня рождения ребенка.

Под утро приснился жуткий сон, в котором мы с мужем разошлись и больше не встречались. Я видел события от лица Адриана: как он съехал, не сказав ни слова, просто взяв минимум вещей, и долго искал съемный угол с Риной на руках. Как они жили, влача очень бедное существование, ведь нормальную работу Адриану найти не удавалось. Как впоследствии постоянно меняли адреса, гонимые отовсюду.

Проснувшись, я ещё раз посмотрел на партнера и, переведя дыхание, успокоился. Он рядом. Я не мог и не хотел отпускать любимого человека. Любовь далась мне слишком дорогой ценой, притом не только материальной.

Мысли не давали покоя, и с тяжёлым сердцем, коря себя за малодушие, я все же обратился к знакомому детективу. Раньше я уже прибегал к его помощи и результатом всегда оставался доволен. Кроме того, я когда-то оказал этому парню услугу и мог рассчитывать на конфиденциальность с его стороны.

Я мог попробовать и сам провести независимое расследование. Но... Брумалтаун – город не самый крупный, и о моих действиях стало бы известно быстрее, чем я найду хоть что-то. Ругаться на этой почве мне совсем не хотелось. Вдруг из-за этого мы и расстанемся?

Оговорив все детали с детективом, я стал ждать, продолжая прокручивать все возможные варианты. И каждый из них был хуже предыдущего. Что делать, если опасения подтвердятся? С одной стороны, я был готов простить своему партнеру измену. В конце концов, я тоже не святой, и ошибки за плечами есть у всех. Но, с другой, что делать, если мать Рины начнет что-то от нас требовать? Или и того хуже – захочет, чтобы мой партнер бросил меня ради нее?

Честно говоря, я очень опасался того, что мог найти детектив. Думал, что, получив результаты, даже не посмотрю их, выбросив в мусор.

Расследование заняло неделю, к концу которой на моем столе оказалась приличная папка документов.

Я долго собирался с мыслями, прежде чем открыть плотный конверт...

Читая результаты расследования, был в не меньшем шоке, чем от появления Рины. В моей голове крутилось много вариантов, но среди них не было того, который был в документах.

Первым, что я узнал, был возраст девочки. Казалось, что ей не больше шести-семи месяцев. Тем более с такими слабенькими крохотными ручками и таким маленьким весом. На самом деле в документах стоял возраст. Год и семь месяцев.

Задержка в психическом развитии была связана с пребыванием в приюте. Хоть этого Адриан не скрывал, хотя я до последнего думал, что приют был лишь формальным звеном в цепочке удочерения, а не местом, где девочка провела большую часть своей, на тот момент,

жизни. Но вот почему девочка была такой слабой и худой? В приютах ведь тоже заботятся о подопечных...

Разъяснением стал диагноз на следующей странице: вирус Мехони, он же МН 118, называемый обывателями «вирусом мертвой крови» или, если кратко, ВМК.

Знакомый уже тогда накопил достаточно материалов по этой болезни. И хотя я почти не помню медицинских терминов, да и не силен в них, я хорошо запомнил написанное.

Изучая описание болезни, я невольно ощущал, как вновь дергается глаз: вирус поражал исключительно женщин и передавался через кровь. Ещё в начале века этот крошечный паразит смог преодолеть межвидовой барьер и перешел от скота к человеку. Удивительно, что родиной этой болезни стала Шотландия. Ведь путь заражения был совсем иным, с локальными очагами в Юго-Восточной Азии. А далее медицинский и обычный туризм, экспорт мяса и стремление людей к экзотической кухне привели к распространению вируса по всему миру.

ВМК разносился по организму почти моментально, проникая во все клетки и ткани. Притворяясь белком крови, вирус легко обманывал организм, крепясь сначала к красным кровяным тельцам, а затем встраивая свои гены в геном, переходит в латентную стадию, длившуюся годами, если не десятилетиями. С этого момента клетки организма автоматически создавали копии с уже имеющимся в них вирусом, из-за чего и происходило заражение только через кровь. Самое странное, что организм зараженного, точнее иммунитет, иной раз сам помогал вирусу проникнуть в клетки. Этот механизм давно еще описывали, но я впервые читал подобное. Ну да, я же не медик.

Латентная стадия связана также с тем, что после внедрения чужеродных генов какое-то время не происходило иммунного ответа. Его запускали сильные шоковые состояния организма.

Стресс после активации приводил к перверсиям иммунной системы, из-за чего у зараженного начинался неконтролируемый аутоиммунный некроз.

Чаще всего вирус в течение нескольких месяцев приводил к глухоте, слепоте, остеопорозу, аутоиммунному бесплодию.

Но некроз мог начаться в любом органе, и невозможно было определить заранее, где именно появится очаг. Все это могло проявиться как почти сразу (примером стала Эмма Грас, лишившаяся голоса из-за некроза связок), но болезнь могла ждать своего часа и годами, особенно если речь шла о маленьких детях, иммунная система которых еще не успевала сформироваться, ведь тогда был шанс на то, что организм не станет воспринимать клетки с копиями вируса как чужеродные.

Теперь стало понятно, почему моему мужу доверили ребенка: с таким диагнозом девочке бы не удалось найти семью.

Разве что «розовые» семьи брали таких детей под патронат, но из-за либерализации этим детям стало все труднее находить семьи. Даже фостеровские семьи, профессионально выполнявшие обязанности приемной семьи, не хотели иметь с ними дела!

Вроде в таких случаях Фонд Грас даже выделял какие-то незначительные суммы в качестве вознаграждения для опекунов.

Понять нежелание брать больных детей на воспитание можно – они как бомба замедленного действия. Неизвестно, сколько проживут. Да и общество будет избегать контактов как с ребенком, так и с родителями. Отчасти я бы с таким мнением согласился, но, читая далее, пересмотрел его.

Из документов я выяснил, что, чем позже происходило заражение, тем больше был риск смерти инфицированного. Это было связано с реакцией организма: вирус запускал необратимые изменения во всех тканях, в результате иммунитет воспринимал клетки тела как патогены и разрушал сам себя. Скорее всего, это связано с тем, что организм взрослого уже сформи-

рован, иммунитет тоже, а процесс обновления клеток достаточно неоднороден, как позднее объяснил мне лечащий врач дочери.

Возраст девочки давал приличные шансы на выживание, пусть и с оговорками относительно последствий: дети, в отличие от взрослых, умирали только в 35 % случаев. Иммунитет маленького ребенка ещё не полностью сформирован, поэтому при подавлении и строгом контроле со стороны медиков можно сильно замедлить некроз, отодвинув проявление последствий на те самые десятилетия.

В записях говорилось, что Рина заразилась из-за врачебной ошибки: в день ее рождения в отделение больницы поступила зараженная ВМК девушка, у которой произошел выкидыш. Тогда еще не приняли закон «Об информировании», и врачи могли не знать о болезни до самого последнего момента.

Рождение Рины было трудным, мать не могла родить почти двое суток. Из-за этого врачи метались от одной сложной пациентки к другой. Видимо кто-то из-за суеты и спешки допустил контакт новорожденной с зараженной кровью. Оно и понятно: какая-то сомнительная клиника, где принимали без медстраховки. Не удивлюсь, если и лицензия отсутствовала.

Но даже приличная аккредитованная клиника в подобной ситуации не могла бы дать гарантий. Конечно, в последнем случае риск существенно снизили. Вполне возможно, заражения удалось бы избежать, окажись роженица в нормальном госпитале. Но теперь говорить о подобном слишком поздно.

Как только обнаружилось, что новорожденная Рина заражена, ее сразу же изолировали, а матери сообщили, что ребенок умер. Из-за осложнений женщина провела три дня в реанимации, поэтому скрыть факт заражения ребенка не составило труда. По крайней мере, в том состоянии и в том материальном положении эта несчастная девушка едва ли смогла бы доказать, что ее ребенок жив.

Ужасно, согласен. Но если подумать, то гарантий, что Рина осталась бы с родной семьей в случае открытого признания врачей, тоже никто бы не дал.

До принятия Конвенции Грас, этих детей изолировали в специализированные приюты, где они обычно долго не жили.

Даже несмотря на один путь заражения, вирус прошелся по планете в начале века. Он оказался страшной и опасной пандемией, способной истребить всех людей.

В тот день я также узнал, что вирусу нужны определенный химический состав и температура, чтобы существовать. Поэтому бытовым путем он не передается. Там что-то связано с рН-балансом и температурой окружающей среды. Поэтому сейчас почти не продается сырое мясо: скот все ещё переносит заразу, и, в отличие от человека, в крови животных вирус почти не отслеживается. А генетический анализ каждой свиньи, овцы, козы или коровы в мире – уж слишком дорогое и хлопотное дело. Да и нашествие кошкobelов в прошлом сделало свое дело, они ведь тоже отчасти заражали скот, питаясь отходами со скотобоен.

Но из-за стигматизации зараженные дети всегда становились изгоями. Их жизнь даже при всех изменениях в законах была короткой из-за изоляции и отсутствия ухода. И это несмотря на заверения врачей, что с ВМК можно прожить и шестьдесят, и восемьдесят лет, пусть и на препаратах, почти полностью подавлявших иммунитет.

Когда закончил знакомство с этими документами – от прочитанного стало тошно: Рина жила вопреки всему. Она уже сейчас столкнулась с предательством и жестокостью мира. И дальше ей предстояло прожить очень трудную жизнь, полную одиночества.

Вспоминая проведенное вместе время, я проникался симпатией к ней: Рина заслуживала чего-то большего, чем казенной комнаты в больнице или приюте.

Далее в отчете детектива шел краткий пересказ того, как же Адриан решился на удостоверение, исходя из нескольких интервью, выписки со счетов, справок о работе на каких-то предприятиях, справок от врачей.

За эти полгода любимый человек пережил настоящий ад, проходя комиссии врачей и психологов, собеседования с представителями опеки и пытаясь заработать хоть сколько-то денег на первое время. Решение завести ребенка для Адриана оказалось не просто прихотью, а очень сложным шагом.

А я его ещё и не хотел поддерживать... Теперь я знал, почему он завел тот разговор больше полугода назад! И почему продолжал все это время.

Дочитав последние строки заключения о перспективах развития и здоровья Рины, отпросился, обещав отработать часы позднее.

Мне предстоял очень серьезный разговор.

Глава 7

Решение

Эрик.

Было около часа дня, когда добрался до вокзала. Он почти пустовал, давая возможность подумать по дороге домой.

Помню, стоял на перроне в ожидании поезда, падал тяжелый влажный снег, от которого укрывал навес, а вокруг слышались гул объявлений и громкие и не очень голоса ожидавших вместе со мной немногочисленных пассажиров.

Я долго взвешивал все, что узнал. На белых листах черными буквами зиял приговор маленькой девочке, которая чудом нашла дом. Лишать ее семьи – эгоистично и подло.

Но ведь вирус неизлечим! На родителей больных детей из-за этого накладывалась большая ответственность! Слишком большая! Не говоря уже о том, что ни один врач не даст хоть сколько-либо долгосрочных прогнозов.

Я не был уверен, что готов к подобному. Правда, вспоминая трогательные глаза Рины, все же старался не думать об этом. Она ведь ни в чем не виновата. Просто маленький, слабый ребенок, нуждающийся в любви и семье.

Я разрывался между чувством боли за Рину и желанием хорошенько врезать Адриану за то, что тот утаил от меня происхождение своей дочери. Может, скажи он правду, не произошло бы ни скандала, ни размолвки? Представив это, впервые задумался: а действительно ли я смог согласиться на ее воспитание, узнай о болезни с самого начала?

Две чаши весов никак не приходили в равновесие, а чувства и мысли метались из одной крайности в другую.

Это решение было одним из самых тяжёлых в моей жизни!

Наконец к перрону подошел состав. Его яркие желто-фиолетовые краски вновь напомнили мне о девочке и том решении, которое я принял и которое предстояло огласить своим близким.

* * *

Когда вернулся домой, Адриан без звука смотрел телевизор, пока Рина дремала в переноске. Теперь было понятно, почему она проводила столько времени в ней и почему Адриан не спускал ее с рук. Ну да, порезы в случае Рины стали самым страшным кошмаром.

Я не нашелся, что сказать, и просто подошел к дивану, присев рядом с мужем.

– Эрик? Что-то случилось? – Адриан не ожидал моего столь раннего возвращения, что прозвучало удивлением в его голосе.

Он не пытался сопротивляться или огрызаться как раньше. Мое появление означало, что пора поставить все точки над *i*.

– Нет, ничего, – голос выдавал меня. – Ты ведь знал, что она заражена? – вопрос был прямым, не оставлявшим ни единого шанса на отговорки.

Вот он – тот шанс, который я оставил ему. Мы выключили телевизор. Теперь я внимательно слушал, глядя в его глаза.

– Да. Знал, – глухо ответил муж.

Он начал свой рассказ, пересказывая, хоть и более эмоционально, описанное в документах.

Около года назад он встретил старую знакомую, с которой вместе рос в приюте. Сара Осгут, если она еще не поменяла фамилию и не вышла замуж. Мне много рассказывали про эту

избалованную девчонку: и на работе, и сам Адриан. Слухов в Брумалтауне тоже хватает. Сара раньше считала, что ей все должны. Ну да, она же девочка. Тем более самая младшая среди детей в приюте. Привыкла, что ей все что-то дают или что-то для нее делают. Правда, узнав всю историю, я начал пересматривать свое отношение. Жизнь ее потрепала не меньше, чем нас. Подробности не знаю, но вроде – две несчастные любви, аборт по медицинским показаниям и депрессия с последующим принятием очень сильных препаратов.

Адриан не ожидал встретить ее, но так уж получилось. Сара осталась работать в детском доме, где они выросли, став полноценным сотрудником. При встрече она рассказала, что у них есть воспитанница, за которой никто не может и не хочет ухаживать. Даже предложила денег, если мой партнер какое-то время будет помогать этой девочке. Муж согласился ради платы. Это случилось как раз вскоре после переезда. Работу я тогда ещё не успел найти, и мы жили на оставшиеся небольшие сбережения после покупки дома и оформления всех бумаг.

Так Адриан и познакомился с Риной. Она была очень плоха, со слов мужа. В полгода выглядела как новорождённая. Маленькая, слабая, худая. Орала сиреной, когда ее в первый раз взяли на руки. Словно сломали ей все кости сразу. При этом почти не реагировала на посторонних людей или какие-либо внешние раздражители: могла долго попискивать без причины, притом молча лежать долгое время после справленной нужды, могла долго проделывать одно и то же движение рукой или ногой, засовывала в рот края подушки и свои пальчики.

Женщины избегали заботиться о ней, боясь заразиться. Сара рассказала, что приходилось искать добровольцев среди мальчишек-воспитанников, но им это не нравилось, и каждый норовил отказаться или сделать все из рук вон плохо. Волонтеров после наступления либерализации стало очень мало, их отправляли в места большего скопления больных. Туда, где в них действительно нуждались. Все, что мог сделать фонд в силу обстоятельств, – выделить небольшой бюджет на содержание и нужды больного ребенка. По этим причинам постоянного ухода Рина не имела, как и была лишена общения с кем-либо.

Люди вокруг нее постоянно менялись, каждый раз бросая одну. Воспитанники, редкие няньки... Иногда приходили сотрудники ЗСЦ, но они ничего не делали. Только проверяли бытовые условия и уходили. Защитники не обязались заботиться о больном ребенке и лишь обещали помочь с поисками семьи.

До того, как муж стал приходить, Рину держали взаперти в маленькой комнатухе. Ее боялись, как какого-то монстра. Сотрудницы и воспитанники обрадовались, что заботы можно переложить на кого-то ещё. Винить в подобном их было трудно. Никто не хочет получить смертный приговор.

Первое время Адриану было очень тяжело из-за пронзительных криков Риной по поводу и без, но он понимал, что девочка не виновата в этом. Он даже хотел бросить это занятие в первый же день: так выматывало общение с Риной. Но, подслушав разговор сотрудниц, передумал. Тогда нашей дочери пророчили жить от силы в пару лет.

Сара не обманула и в первый же день протянула деньги, но муж отказался от них. Ему было стыдно наживаться на горе ребенка.

Понимая, что девочка совсем одна и никому толком не нужна, мой партнер стал приходить каждый день и сильно привязался к Рине за два месяца. Она начала узнавать его, перестала пронзительно и истошно орать, когда ее берут на руки. Даже стала прижиматься, если сидела на руках.

Когда Адриан смог взять Рину на руки без очередного вопля, она посмотрела на него глазами, полными скорби. Мужу тогда показалось, что она понимает неотвратимость расставания и с ним.

Адриан осознал, что девочка очень похожа на него. У нее тоже не было других шансов на семью.

В детстве моего будущего партнера никто не хотел брать даже под опеку. Ну да, ребенком он считался проблемным, и это отпугивало даже опекунов, не говоря о желающих усыновить. А когда Адриану исполнилось пятнадцать и он повторно прошел тест Гарта, его и вовсе отправили в специальный интернат, избавившись от озорного и шумного подростка. Какие порядки там царили, муж никогда не рассказывал, но могу предположить, что это не самое лучшее место, судя по тому, как ревностно Адриан относится к своей свободе.

Вообще, прожив вместе многие годы, я понял, что за всем тем фасадом скрывался испуганный ребенок, боявшийся нового предательства. И, хотя Адриан не помнил своих родителей, в его памяти навсегда отпечаталось воспоминание о том, как его в три года отвезли в госпиталь и оставили там. Как позже приехали ЗСЦ и забрали в приют. И это приемные родители! Фактически для Адриана это оказалось вторым ударом в жизни. Пусть и не осознаваемым в полной мере. С тех пор он и не доверял взрослым, считая их лживыми и хитрыми.

Во время рассказа мой партнер нервничал и едва не трясся от волнения. Я понимал: ему было трудно об этом вспоминать. Но мне было важно узнать причину появления девочки, а не опираться только на прочитанное.

Усилия, вложенные в Рину, не пропали даром, и она постепенно стала той самой девочкой, которую муж в один из вечеров принес в наш дом.

Адриан старался как можно больше общаться с ней: играл, брал на руки так часто, как только мог. Ему хотелось дать ей то, чего лишили его – семью и счастливое детство в собственном доме.

Так он и решился на удочерение. Сара тогда помогала с документами, давала советы по поводу обследований, нашла относительно недорогие услуги агентства и адвоката. По закону, это разрешалось иметь приемных детей – но только больных вирусом Мехони.

Защитники семейных ценностей тоже хороши. Муж потратил много сил и времени, чтобы убедить их. Одинокий парень без обруча на шее действительно мог вызывать подозрение.

Сара в этой ситуации предлагала Адриану на заседания суда и комиссии приходить в нем. Мы официально не были женаты, и «эпо» мужу не грозил, даже если он будет носить розовый чокер постоянно. Но Адриан не мог заставить себя надевать этот ошейник.

ЗСЦ, со слов мужа, проверяли все документы, ища повод отказать. И, в силу обстоятельств, им этого не удавалось.

«Как будто брак и этот чертов обруч что-то меняют? – задавался вопросом Адриан. – Неужели, пройди я это все, буду как-то иначе любить свою дочь или тебя?!»

Я продолжал обнимать любимого, понимая его переживания. Он не знает, но я знаком с последствиями «эпо». И ни за что не заставлю любимого пройти через подобное!

Адриан говорил, что люди вокруг шарахались от Рины, как до удочерения, так и после. Все боялись заразиться. Стереотипов по поводу болезни много, а вот реальных научных знаний почти нет. Еле-еле нашли механизм заражения, выявили последствия вируса и научились с ними бороться.

Мой партнер ожидал такой же реакции и от меня. Поэтому и не сказал ни о болезни, ни о причине появления ребенка. Мы же не «розовая» семья, и он боялся, что я просто брошу его. Удивительно, что наши страхи тогда совпали. Мы оба боялись расставания и чудом сохранили отношения.

Муж ещё долго рассказывал во всех подробностях, как копил деньги, как устраивался официально в какое-то кафе мыть посуду, чтобы иметь документы о трудоустройстве, как все это время заботился о дочери, приходя каждый день в приют, хотя бы на полчаса, разрываясь между Риной и мной. Документы он хранил у адвоката, и поэтому мне на глаза не попалось ни одной бумаги. Хорошо, что Адриан все же обратился в государственную службу, а не в частное агентство по усыновлению. Это сократило расходы. Да и, как потом рассказал муж, в случае

эно редко разрешают усыновлять здоровых детей. А в базах на тот момент числилось только трое больных детей, двое из которых уже имели потенциальных усыновителей.

Я хорошо помню слова и эмоции, которые испытывал Адриан во время рассказа.

– А-а-а! – раздался вдруг настороженный и немного испуганный голос из переноски.

Муж тут же вырвался моих объятий и подскочил к дочери.

– Она боится оставаться одна с тех пор, как я стал о ней заботиться, и очень переживает расставание. Поэтому я не упускаю ее из поля зрения и держу на руках, – Муж осторожно взял девочку на руки. – Я с тобой. Не надо плакать. Все хорошо.

В этот момент понял, что принял свое решение.

– Я согласен, – наконец ответил я на вопрос, прозвучавший больше полугода назад.

Невольно вспомнилась обида Адриана в тот первый день. Сейчас я знал, что, говоря о ребенке, муж имел в виду конкретную девочку, к которой испытывал очень теплые чувства. Болезнь Рины сейчас не имела значения, ведь я принял решение ещё в поезде. Хотя мне по-прежнему хотелось прибить ее отца, за то, что он мне ни слова не сказал.

Обсуди мы все раньше, не было бы этих проблем. Я проникся бы историей нашей дочери, ещё читая сухие отчеты, а эмоциональный рассказ лишь убедил бы меня в правильности решения.

Я всегда хотел семью, и при других обстоятельствах лишь обрадовался бы такому пополнению.

Да и Рина бы получила сразу любящую семью, а не поле боя в первые месяцы своей семейной жизни.

– Ты же не хотел. Да и вообще... Сам сказал, что я справляюсь, – начал защищаться муж.

Мой кошмар становился явью. В голове промелькнула мысль, что, если я не скажу хоть что-то, то через пару дней вернусь в пустой дом.

С каждой минутой уверенности в своем решении у меня становилось все меньше и меньше, но я понимал – если это дочь Адриана и он любит ее, то и я буду ее любить. Особенно потому, что она похожа на него.

– Я согласен, – повторил я, ощущая, что внутри бушует ураган.

Словно прыжок через огромную бездну. Я резко встал с дивана и порывисто обнял моих близких. Уже ничто не имело значения, ведь они рядом!

С этого дня мне предстояло привыкать к тому, что Рина и мой ребенок тоже.

Арка III. Первые трудности

Глава 8 Сложная девочка

Эрик.

Прошло пять месяцев с момента появления Рины в нашем доме. За это время мы почти полностью пересмотрели нашу жизнь. Хотя, буду честным, эти полгода стали тем ещё испытанием! Если первый месяц-полтора я могу назвать лишь бессонным, то последующие четыре – адом на земле! Да, адом!

Рина, привыкнув, что мы постоянно рядом, начала проверять границы нашего терпения. Вполне успешно, я бы сказал.

Она закатывала громкие истерики, притом совершенно без повода. Я это точно знаю, потому что ей не отказывали ни в чем, ее вовремя кормили и ей регулярно меняли белье. Прежде чем закатить истерику, девочка могла спокойно сидеть у Адриана на руках или в рюкзаке-переноске. Место тоже значения не имело, и дочь могла «включать сирену» (со слов Адриана) как дома, так и на улице. И ни в какую не хотела успокаиваться! Ни поглаживания, ни укачивания не могли смирить ее. Даже игрушки и те не отвлекали ее. Стоило поднести ей что-то, как она начинала неуклюжее махать ручками и кричать.

Мы перепробовали все, чтобы дочь перестала так себя вести, ведь ладно дома, а на улице? Это мы, ее родители, волей-неволей терпим, а ведь окружающие – не обязаны. И гнева в нашу сторону хватало, стоило выйти на прогулку или в магазин. Помню, когда возвращались с покупками, дочь решила покричать. То ещё зрелище: покрасневшая Рина истошно орала, сидя в рюкзаке-кенгуру, пока мы ждали автобуса, чтобы не идти пешком. Она едва ли не надрывалась, заливаясь слезами и прижимая кулачки к зареванному и сопливому лицу.

Вот тогда мы поймали на себе множество осуждающих взглядов! Вполне заслуженных, конечно.

Самое жуткое, что в этой толпе стояла сотрудница ЗСЦ! Ну да, рядом детский сад! Чего мы ожидали? Но именно она подошла к нам и, спросив, приемная ли Рина, спокойно улыбнулась тонкими губами, сказав:

– Иногда дети просто плачут.

Видно, мы выглядели такими измотанными и уставшими, что нас пожалели даже «защитники».

А может, помогло то, что Рина до этого спокойно сидела, играя волосами Адриана? Или из-за того, что городок маленький, слухи быстро распространяются, не давая ни единого шанса что-то утаить? Или же просто Адриана знали все местные зээсцэшники из-за постоянных походов к психологу и посещений госпиталя? Теперь это не столь и важно.

Мы успокаивали друг друга тем, что дочь не знала, как вести себя в семье, но сил с каждым днем становилось все меньше и руки потихоньку опускались. Каждый день – как хождение по минному полю: не сделаешь что-то – истерика на полчаса-час. Сделаешь – тот же результат.

Слава богу, все разрешилось. Как и в приюте, Рина в один день просто перестала кричать. Но к тому моменту мы настолько отчаялись, что хотели высказать психологу, работавшему с нами, все накипевшее. Это он говорил: «Период адаптации, подождите – все пройдет».

Прав оказался, но пожил бы он так! Хорошо, этот период занял три недели, а не больше. Иначе мы бы не выдержали! Вот теперь я понимаю, откуда у некоторых народов есть легенда о подменышах.

Ещё мы стали замечать странные привычки: Рина тянула в рот все, что только могла. От моего галстука или края рубашки, если они ей попадали в руки, до пальцев. И совершенно не важно, ее это пальцы или нет. Притом она ещё и норовила укусить.

Хорошо хоть, зубы стали резаться позже, когда мы пережили и эту привычку. При том отказать дочери не получалось: мило улыбаясь и протяжно что-то бормоча, дочь с упорством тянула руки к интересовавшему ее объекту. А ее упрямству могли позавидовать все ослы в мире.

Наконец мы могли выспаться, ведь дочь перестала будить нас по несколько раз... Но появилась другая крайность. Она ночью начала ходить под себя, совершенно не обращая на это внимание. И если раньше спокойствие объяснялось отсутствием постоянного ухода (ори не ори – все равно не услышат и не придут), то сейчас поведение Риной ставило в тупик. Что за радость спать в собственной моче? То есть она мочилась и даже не обращала на это внимания. Первый раз испугались – вдруг недержание. Но посещение госпиталя разубедило в этом.

Казалось, это не прекратится никогда! Мы уже опустили руки и стали стелить специальную пелёнку, не говоря уже о специальном белье.

А ещё Рина выработала странный ритуал перед сном: она стала раскачиваться из стороны в сторону, издавая слабые звуки. Выглядело это жутко, но психолог на это тоже сказал: «Скоро пройдет».

Так и жили: измотанные круговоротом однообразных событий. Единственной радостью в этом бесконечном дне сурка была улыбка дочери. Она растапливала наши сердца, выуживая откуда-то из глубины остатки сил.

Все бы ничего, но буквально через два месяца Адриан сообщил, что со следующей субботы выйдет на работу. Это и доходами назвать трудно – они с трудом окупали недельный паек.

На мое удивление, муж признался, что его сбережения подходят к концу (удивительно, что не закончились раньше), а сидеть на моей шее – дело неблагодарное, если не сказать хуже. Когда я напомнил, что согласился участвовать в воспитании Риной, в том числе и материально, муж вздохнул:

– Нужно меньше привлекать внимание ЗСЦ. Согласись, родитель-одиночка без постоянного дохода и супруга вызовет много вопросов. Как я объясню доходы при отсутствии трудоустройства? Думаю, «защитников» не обрадует, если я скажу: «Я сижу на шее кузена, он много зарабатывает» или «Я безработный, но все окей, у меня есть источник дохода в виде родственника».

С подобным я не мог не согласиться. Пусть для окружающих мы были кузенами, но даже из космоса было видно, насколько мы разные. Уж слишком мы не похожи на родню. Даже с братьями я имел больше общего, хоть мы тоже не были сильно похожи из-за того, что у нас разные матери.

ЗСЦ уже дважды приходили к нам с проверками, но лишних вопросов никто не задавал, сказывался закон о защите частной жизни.

Так мы и поделили обязанности: в будние дни, с утра до вечера, Риной занимается Адриан, а в выходные – я.

Теперь на нашем холодильнике висели и фотографии дочери, и наши расписания, и примерный распорядок дня ребенка.

Вот уже полгода каждое утро мы вместе завтракали, потом я отправлялся на работу, а Адриан занимался ребенком. «Это мой лучший проект», – восторгался муж успехами в обучении Риной. Он нашел какие-то курсы для родителей и детей и каждый день ходил туда, беря с собой дочь.

Я до сих пор не понимаю: как редкий неряха оказался таким хорошим отцом! Да, дом – это не про Адриана: у нас все так же был бардак. Пыли, правда, с появлением ребенка стало намного меньше. В раковине посуда кисла неделями, если не дольше, прежде чем попадала в

посудомойку. Он умудрялся собирать в стирку белье почти месяц, набирал огромную гору, а потом отправлял в машинку три-четыре футболки и пару джинсов. Я же привык ещё со школы следить за своими вещами сам, да и отправить несколько рубашек и брюк в машинку никогда не было большим трудом.

Все вышесказанное про неряшливость не имело к Рине никакого отношения: ее посуда всегда была чистой (пожалуй, это единственная посуда, которая мылась в нашем доме регулярно), ее одежда тоже не накапливалась в корзине для грязного белья, а в комнате не было ни единой пылинки.

Вечера мы проводили за совместной прогулкой по окрестностям, ужином, чтением книг или играми.

Я всегда недоумевал, как такая кроха, не умеющая ещё толком держать джойстик, сидя на коленях, умудряется играть с нами во что-то. Более того, ещё и протестует, если выбираем персонажа, который ей не нравится!

Да, помимо наших любимых в этой медиатеке появились и обучающие игры, пусть Рина и не любила в них играть. Ну да, смотреть на то, как персонажи бегают, прыгают и дерутся друг с другом, ей оказалось куда интереснее. Маленькая любительница реслинга.

Дочь за эти месяцы постепенно окрепла. У нее улучшилась координация, стали развиваться мышцы. Я замечал это, беря ее на руки все чаще.

Спустя три месяца с момента появления она прибавила в весе и начала понемногу ползать. Приходилось больше следить, чтобы шустрая мелюзга не заползла куда не следует и не порезалась, а ведь она могла – в силу своего любопытства и вечного стремления тянуть ко всему руки.

Первым испытанием стала болезнь Риной. Дело не в том, что нам приходилось постоянно таскать дочь по врачам. Неприятные процедуры для нас стали в общем-то нормой.

Это быстро превратилось в нудную обыденность, над которой иногда Адриан грустно посмеивался: «Ощущение, что мне доверили быть не отцом, а надзирателем и нянькой в одном лице. Приговор вынесли врачи, а я должен следить за его исполнением».

От этих шуток я боялся, что, как и ранее, Адриан займет позицию вседозволенности и вечного праздника непослушания. Я думал, что из жалости Рине будет позволено слишком многое. Как и с решением о воспитании ребенка муж удивлял меня.

В итоге это мне досталась роль доброго друга, из которого можно вить веревки, а ему – роль вполне требовательного отца. И хотя девочка называла меня папой, я понимал, что при всем желании не смогу от нее добиться того, чего мог Адриан, которого она попеременно называла то папа, то бабочка. Нет, мой партнер ни в коей мере не был строг с Риной. Он всегда обнимал ее; даже когда дочь начала самостоятельно двигаться, любимый продолжал носить ее на руках и при малейшем «но» бросался на ее защиту. Я ни разу не слышал, чтобы муж повысил на ребенка голос, хотя мы оба знали, на что способны во время скандала.

Рина в любой момент могла рассчитывать на тепло Адриана, его поддержку и любовь. Ведь он часто обращал в шутку многие не самые приятные вещи.

Но, когда речь заходила, например, о лечении, я поражался перемене в поведении моей пары. Сколько бы дочь ни сопротивлялась, Адриан шел до конца. Улыбаясь, ёрничая, отшучиваясь, он добивался от ребенка выполнения всех требований врачей. Я не мог вынести подобного и сдавался, как только Рина начинала кукситься. Поэтому для меня походы с ней к врачам были истинной пыткой. После первого же такого визита я долго не мог прийти в себя, хотя и присутствовал в качестве наблюдателя. Тогда Адриан попросил меня сопровождать их. Он сказал, что ему может потребоваться помощь, так как предстоящее обследование крайне неприятное.

Во время процедуры Рина громко орала, пока врач проверял работу мышц и нервов.

Во время манипуляций Адриан отшучивался: он говорил, что скоро Рина станет гимнасткой-чемпионкой, а после процедур гладил дочь, прижимая к себе, и утешал ее, говоря, какая у нас смелая девочка.

Проверки эти были очень неприятными, но, увы, необходимыми. Некроз мог начаться в любой момент, вне зависимости от употребления препаратов. Так что волей-неволей, как и с криками, мы просто терпели во время подобных процедур.

Вторым – закон «Об информировании». Помню, как мы завтракали, а по радио объявили эту новость. Как этот вотум приняли – до сих пор загадка. Вроде даже Фонд Грас был против. Но приняли согласно всем формальным требованиям, не поправ ни единого столпа демократии... Мы оба сглотнули и уставились друг на друга, словно услышали о конце света. Хорошо, дочери тогда едва исполнился год и девять месяцев, и она не понимала, что происходит вокруг.

Отныне маленькая царапина с буквально двумя каплями крови на теле дочери гарантировала отказ от прогулок в течение нескольких дней. И если мы могли не беспокоиться относительно заражения: для мужчин вирус не опасен, то вот окружающие всегда относились с неким страхом к нашей девочке.

Это мы с Адрианом знали, что уровень контагиозности у МН 118 достаточно низок (заражение только при прямом контакте с кровью, едва ли не рана к ране), но вот посторонние... Можно было убеждать окружающих до бесконечности, что бытовым путем ВМК не передается, результат был один. Чаще всего на нас смотрели как на идиотов, изредка пренебрежительно добавляя: «Вам-то чего бояться, вы ж мужики? В любом случае не заразитесь».

Оборачивать дочь в вату – то ещё удовольствие, но что мы могли? Особенно с этим законом?

Вместо разбитых коленок и беззаботного веселья Рина вынуждена была сидеть на наших руках и слышать постоянные одергивания: «сюда нельзя», «нет» и «осторожно».

Но, несмотря на все сказанное, дочь была очень шустрой: однажды она вылезла откуда-то такой грязной и пыльной, что пришлось срочно организовывать ванну и стирку. Где так испачкалась – оставалось загадкой; поблизости не было столько пыли, несмотря на продолжавшийся бардак в нашем доме. Хорошо, что тогда не успела порезаться. Даже думали купить шлейку (чтобы дочь далеко не уползала от нас на детской площадке), но потом решили, что это слишком глупо и не стоит потраченных денег.

Мы предположили, что она нашла где-то в стене отверстие и залезла в него, но найти это отверстие мы так и не смогли.

Со временем дочь начала лепетать что-то на своем языке. Первое разборчивое слово мы услышали случайно.

В один из вечеров Адриан укладывал ее спать и повторял строки из песни про бабочку:

*«Тонкие крылья свои поднимая,
Взмываешь ты вверх, чтобы небо познать.
И солнце, и ветер, тело нежно лаская,
От тягот и горя будут верно спасать.
Не бойся же света: он, вдали расстилаясь,
Укажет дорогу, куда нужно взмывать.
А ты, в невесомости синей купаясь,
Будешь бабочкой яркой свободно порхать».*

Рина слушала их в который раз – и вдруг:

– Бабо... тька – отреагировала дочь на строку из песни и потянула руки к мужу. Получилось чуть мягче, чем следовало. Но это было удивительно. Она произнесла первое слово!

Больше мы таких сложных слов от нее не слышали лет до трех. Только «бабочка» на свой манер она повторяла часто.

Полноценно повторять за взрослыми тогда ещё не получалось, и многие слова дочь коверкала, хотя было видно, каких стараний ей стоят эти попытки. Длинных предложений тоже не выходило, а словарный запас нашей дочери был крайне беден. Но, в сравнении с прошлым, виднелся огромный прогресс. Она ведь ещё недавно даже этого не произносила, ограничиваясь только звуками.

Оглядываясь назад, мы не могли не поражаться переменам. Одна только мысль, что ещё каких-то полгода назад Рина не умела самых простых вещей, и удивляла, и пугала. «Это было в другой жизни», – повторяли мы, как спасительное заклинание. И вот наступил один очень важный день.

Глава 9

В преддверии праздника

Эрик.

В то, казалось бы, обычное утро, Адриан разбудил меня чуть раньше будильника.

– Эрик, – шепотом сказал муж, проведя пальцем по моим губам. – Знаешь, какой сегодня день?

– Четверг? Вроде, – ещё толком не проснувшись, ответил я.

– Не совсем, – заговорщически усмехнулся мой партнер.

Потом последовал лёгкий поцелуй в щеку, и я ощутил, что Адриан встал с кровати. Судя по шагам, он накинул халат и куда-то ушел.

Я открыл глаза и перевел взгляд на будильник – было шесть пятнадцать утра. Достаточно поздно для буднего дня, но вставать не хотелось.

Вроде годовщина у нас ещё не скоро. Рина тоже появилась полгода назад, праздновать ее появление рано. День рождения Адриана – 15 февраля – и давно прошел. Мой день тоже намечался 4 ноября, до него ещё долгих полгода.

– Скажи папе «С добрым утром», – Адриан внёс в комнату бодряую и веселую Рину, грызущую специальную игрушку. С недавнего времени у дочери начали резаться зубы.

Вирус в крови по-прежнему не давал полноценного развития тканям, и многие вещи дочь познавала позже ровесников. Она всё ещё выглядела младше своего возраста, но уже не настолько, как раньше. Но вот психологически Рина перестала отличаться от других детей на площадках. Словно не было ни болезни, ни детского дома, ни постоянных врачей и регулярных обследований.

Даже то, что мы не являлись официально семьей, не мешало развитию, о чем постоянно твердили соцработники, работающие с нами. Кто-то из них наверняка знал о нашей особенности, но из жалости к Рине молчали. Хорошо, что были такие люди. Совсем не хотелось попасть в немилость ЗСЦ.

– Па-а-а... Па... п-па... – протяжно сказала дочь, как всегда сидя на руках. – Ут-т-то!

Игрушка моментально оказалась на полу, едва Рина очутилась в нашей комнате.

– Она уже ползает. Может, отпустишь, живая ведь? – привстав, спросил я.

– А мы любим сидеть на руках, правда, Рина? – не унимался Адриан.

– Ну, так что сегодня за день?

Я продолжал перебирать даты, но вспомнить ничего не мог.

– Ох, какой нехороший папа. Совсем забыл про твой день, – наконец просяял муж, опустив дочь на кровать.

Получив свободу, Рина тут же подползла ко мне.

– Ут-т-то, – повторила она, улыбаясь и протягивая руку.

В ее глазах сиял восторг. Столько новых вещей перед глазами она не видела давно. С самого появления в нашем доме. Видимо, ее привлек стеллаж на спинке кровати и книги в нем.

Мы обычно не пускали ребенка в нашу комнату. Так мы учили ее, что у каждого должно быть личное пространство и родительская спальня – не место для игр. Более того, если Рина привыкнет к этому, в будущем у нас будет чуть меньше проблем. Со своей стороны мы тоже не входили в детскую без надобности. Нам очень хотелось, чтобы дочь понимала личные границы: как свои, так и окружающих. Пусть она ещё не осознавала наших стараний – и приходилось днем закрывать дверь в эту комнату.

– Ее день? – я окончательно проснулся.

– Ага. Сегодня ее день рождения по документам, – Адриан смотрел на меня и словно чего-то ждал.

В его глазах плясали лукавые зелёные чертики. Я и в самом деле забыл про эту дату.

– Будем праздновать? – спросил я, чуть привстав.

– Да.

Рина тем временем попробовала залезть мне на живот, но у нее это не получилось, и она неуклюже упала на бок, рассмеявшись. Теперь она встречала некоторые свои неудачи смехом. Пусть и не все.

– Устроим вечеринку? – спросил я, погладив дочь по щеке.

– Нет, – покачал муж головой, присев рядом. – Давай просто вечер проведем вместе, как обычно.

Потом последовал грустный вздох:

– Да и звать некого.

И правда некого. Законодательное требование обязывало нас предупреждать окружающих, подходивших к нам, о болезни Рины, на случай если дочь порежется во время игры. В результате, стоило мне или Адриану появиться на какой-то детской площадке, как от нас шаркались все. Теперь я понимал, о чем говорил любимый полгода назад. Родители боялись и не подпускали своих детей, вне зависимости от пола. Пару раз даже слышалось обидное: «Зачем они ее сюда таскают?» и «Разве с этим вирусом выпускают из больницы?»

Пока Рина была мала, мы старались обращать все в шутку. Но дальнейшая перспектива казалась совсем уж мрачной: скорее всего, Рине будет трудно найти друзей и она проведет много времени в одиночестве. А если добавить сюда обязанность говорить о болезни... В общем, слова про надзирателя не казались такой уж неправдой.

Зазвенел будильник, на что Рина испуганно обернулась на Адриана. Звук был не таким громким, но она его раньше не слышала.

– Это будильник, – рассмеялся муж, вновь взяв дочь на руки. – Он помогает проснуться.

Рина попробовала повторить новое слово, но у нее ничего не вышло.

Встав с кровати, я направился в ванную: нужно было привести себя в порядок перед работой. За мной последовал муж с дочерью на руках.

Мы с мужем по очереди умылись, побрились и почистили зубы. Затем умыли дочь с помощью влажного полотенца. Ей умывание не нравилось, и она очень активно протестовала, сидя на руках.

После сборов мы приступили к совместному завтраку, во время которого мы больше следили за тем, чтобы Рина поела. Она уже научилась есть сама, пусть и по большей части руками, из-за чего регулярно требовалось отмывать и ее саму, и стул.

А ещё приходилось давать дочери лекарство: ведь в свои два года она едва ли понимала всю важность терапии. А ведь именно этот препарат давал надежду на хоть сколько-либо продолжительную жизнь.

Адриан за полгода виртуозно научился скормить дочери отвратительные на вкус таблетки, смешивая их с фруктовым соком. Конечно, врачи не советовали так делать, но из-за возраста Рины по-другому не получалось.

– Вот так, – стирая пальцем остатки сока с губ Рины, хвалил ее муж. – Умничка. Видишь, не так и плохо.

На это Рина куксилась, смотрела обиженными глазами, но все же не плакала.

После завтрака пришла пора идти по своим делам.

– Как обычно? – спросил я у Адриана, поцеловав его в щеку.

– Давай чуть позже. Я хотел кое-что сделать.

Мы оба собирались. Но если я одевал плащ и поправлял галстук, то муж искал в шкафу верхнюю одежду Рины. Весна встречала каждый день прохладой и иногда туманами, что никак не радовало нас и почти полностью лишенную иммунитета Рину. Простуды дочь ловила только

так. Нам приходилось кутать ее, что только мешало двигаться, но болезни лучшей альтернативой не являлись.

– Надеюсь, это не что-то нелегальное? – поднял я бровь.

Адриан на это шутливо выставил ладони вперед и, закатив глаза, расхохотался:

– Вы меня вычислили, господин помощник прокурора! Обещаете скостить срок за частичное признание вины?

– Не гарантирую, – серьезно сказал я, но следом быстро обнял мужа и поцеловал в губы. – Все зависит от адвоката.

– Но вы же можете воспользоваться правом прекратить преследование на любом этапе и без объяснения причин, – отстранившись, улыбнулся Адриан.

– И откуда у вас такие знания подсудимый? – продолжил я нашу небольшую «игру». Своей паре я доверяю, так что ничего противозаконного в реальности не предвиделось.

– Я имею право не свидетельствовать против себя, сэр.

Глубокий долгий поцелуй и крепкие объятия, вот то наказание, которое заслуживал этот несносный балабол!

Рина тем временем сидела перед телевизором и смотрела мультфильм, не обращая на нас внимания. О прошлом напоминали боязнь оставаться одной и плач, когда я или Адриан исчезали из поля ее зрения.

Из-за этого приходилось долго укладывать дочь и специально ждать, пока сон станет глубоким, чтобы уйти, прикрыв дверь детской. То же касалось и моих сборов на работу.

Сначала мы не решались усаживать Рину перед телевизором. Неврологи не советовали возбуждать ее больше, чем это происходило при взаимодействии с окружающей средой во время игр или обучения. Компьютерные игры тоже оказались под запретом. Но это нас не останавливало. Главное во всем – мера. Одно дело – Рина сидит на коленях и наблюдает за бегающим кроликом полчаса, другое – она наблюдает за этим же без перерыва. Поэтому мы и решили: полчаса телевизора, пока мы собираемся утром, и столько же вечером не причинят большого вреда. Тем более терпеть часовые истерики не осталось никаких сил.

И вот мы оба оделись, попрощались, и я поспешил вверх по улице к остановке. Я знал, что через десять минут после моего ухода муж и дочь пойдут туда же, чтобы на автобусе доехать до парка.

Утро оставалось идеальным временем для прогулки: детские площадки встречали немногочисленных посетителей тишиной, и Рину не выгоняли из песочницы или с качелей.

Конечно, мы могли бы приобрести машину, пусть и подержанную, но цены на топливо всегда оставались болезненной темой, тем более с учетом расходов на лечение. К тому же страховка, обслуживание автомобиля тоже стоили денег. В итоге, взвесив все «за» и «против», мы решили не совершать подобной покупки.

* * *

В кабинете меня, как всегда, ждала огромная кипа бумаг. С тех пор как удалось устроиться помощником прокурора, работы у меня прибавилось. Но жаловаться на это не приходилось. Она едва ли оказалась сложнее той, что я выполнял, будучи адвокатом. Однако работать на госорганы мне казалось куда надёжнее и стабильнее. Да и работа зачастую сводилась к договорённостям между сторонами. Тут уж без изменений.

Помимо меня, отвечающего за поиски прецедентов и проверку документов, в штате было ещё три помощника.

Моей напарницей была милая девушка, совсем ещё юная. Пусть знаний ей вполне хватало, но вот дефицит опыта и усидчивости сказывался. Хотя стоит отметить, что в целом коллега вполне справлялась, а если и делала ошибки – то в основном из-за невнимательности.

Сегодняшний день исключением не являлся: кипа документов, куча проверок и даже работа с одним свидетелем. Правда, последнее очень быстро перехватил коллега. Да и дело там оказалось простое. Но я все равно порадовался: для меня проще классифицировать дела и проверять процедуры, чем работать с людьми. За работой с бумагами я не услышал телефонного звонка.

Сначала я было решил, что звонил кто-то из коллег, но быстро убедился, что звонок оказался не с внутреннего номера. Тогда я позвонил сам, благо функция обратного вызова работала исправно. Это оказался номер госпиталя «Эверплейс», о чем известило сообщение, прозвучавшее во время приветствия.

«Я хотел кое-что сделать...», – всплыли в памяти слова Адриана, пока играла музыка, а автомат соединял меня с ресепшеном. Может, опять какое-нибудь обследование? Вдруг настояли ЗСЦ? Успокоив себя, я положил трубку, так и не дождавшись ответа, и вновь погрузился в работу. Тем более что стопка даже на треть не уменьшилась.

По каждому из дел необходимо было проверить: процедуру, правильность составления протоколов, сверить судебные прецеденты из Кодекса Штатов, а также возможные статутные решения, если прецеденты все же имелись. После всего этого, папки попадали на стол моего непосредственного начальника – Говарда.

Работы не на один день.

Когда день подошел к концу, я спокойно попрощался с коллегами и направился к станции.

Похолодало, и я старался идти быстрее, остановившись лишь у торгового центра, чтобы купить что-то для дочери.

Первый день рождения... Она его, конечно, не запомнит, но это не значит, что на него не будет подарка. При покупке, помню, кассир очень мило улыбнулась, сказав, что такому подарку порадует любой ребенок. Воодушевленный, я не заметил, как оказался у своего дома. Уже стемнело, вокруг жужжали фонари и квакали жабы. Воздух наполнился сыростью и запахом стоячей воды. Подойдя к двери, я насторожился: свет в окнах не горел.

Попробовал открыть дверь, но она тоже оказалась заперта. Странности продолжались. Отперев замок своим ключом и войдя внутрь, впервые по-настоящему забеспокоился: дом встретил меня тишиной и холодом, ведь отопление выключалось, когда мы уходили.

Было ощущение, что я один, и так жил многие годы. Лишь открытая дверь в детскую комнату да разбросанные книги комиксов напомнили, что со мной рядом был кто-то ещё. Впервые я заметил, что сквозь портьеру из окна гостиной виден унылый пейзаж, состоящий из одноэтажных соседских домов, да фонарные столбы, провода которых опутывали окончательно сгустившуюся темноту неба, озаряемое тусклым светом уличных светильников.

На Адриана подобное никак не походило, и тут я вспомнил злосчастный звонок из госпиталя. Решил позвонить ещё раз и, подойдя к телефону, заметил мигающий огонек автоответчика. Перемотав запись и включив ее, я был шокирован:

«Эрик! – на другом конце провода был Адриан. Его голос дрожал и хрипел. Запись тем временем продолжалась: – Я в госпитале «Эверплейс»! Приезжай, как только освободишься. Это очень важно!»

Взволнованный голос, звонок мне на работу, пустой дом – все это сложилось в моей голове, и теперь я понял: случилось и правда что-то из ряда вон. Но что?

Поехать в тот вечер в больницу я уже не мог: неприемные часы. Дозвониться мне тоже не удалось: рабочий день уже давно закончился. И, хотя горячая линия работала круглосуточно, многого на ней выяснить не удалось. А что мне могли сказать? Это же не врач, а всего лишь специалист, видящий данные в системе больницы. Так я и лег спать с тревожными мыслями о Рине. Ведь «Эверплейс» – один из немногих госпиталей в округе, работающий с больными ВМК. От этого ночь оказалась очень долгой.

Глава 10

Несчастный случай

Эрик.

Утром я позвонил в госпиталь вновь. На этот раз удалось кое-что узнать. Мне подтвердили, что к ним вчера действительно поступила пациентка Р. К. Коулман. Однако диагноз не сообщили.

Вспомнилось, что, несмотря на то, что госпиталь считался детским, в нем были и палаты для взрослых. Первый и второй этажи отвели для взрослых пациентов с ВМК: из-за этого администрация установила приемные часы, но все же разрешила оставаться в палате с детьми одному из родителей.

Записавшись в качестве посетителя и уточнив, что нужно иметь при себе, я быстро собрался, оповестил своего начальника, отпросившись до обеда. Отгул мне дали, хоть и нехотя: официально я ведь не являлся опекуном Рины. Скорее, просто вошли в мое положение. Я не стал терять времени и помчался на остановку.

* * *

Как всегда, войдя в госпиталь, я оказался в огромном фойе с яркими стенами. Вокруг было много света, а на специальных досках висели детские рисунки. Всегда удивлялся, почему, несмотря на специфику, в этом месте нет запаха медикаментов.

Неподалеку от ресепшена находилась небольшая игровая площадка с мягкими кубиками и парой мелких пластиковых горок для детей. Я бывал тут дважды и знал, что такая есть на каждом этаже. Милая девушка администратор уточнила у меня, к кому я пришел.

– Рина Кэтрин Коулман, – отчеканил я, тяжело дыша после пробежки от станции до парадного входа госпиталя.

– А-а-а. Так это вы звонили? – уточнили у меня.

– Да. Я ее дядя.

Я протянул свои документы.

Пропуск мне дали, объяснив, где находится палата дочери. Даже предложили небольшую карту или услуги сопровождающего. Видимо думали, что я заблужусь в этом огромном для маленького городка муравейнике. Но я спокойно отказался от подобного. Тем более что я раньше уже тут бывал.

Под косые взгляды только и оставалось, что молча направиться к лифту. Думаю, постоянные посетители больницы понимали, что мы с Адрианом не в том родстве, о котором говорим окружающим. Рина ещё могла сойти за дочь моего партнера: такие же темные волосы, похожие цвет кожи и взгляд, да и манера поведения. Про остальное же спокойно можно было сказать: «Этим она в мать»... Но вот на мою племянницу дочь походила едва ли: курносая темненькая девочка явно была не моей родственницей. Будь мы «розовой» семьей, вопросов бы не возникло. Но мы таковой не являлись. По крайней мере на бумаге.

Пройдя по коридору и войдя в лифт, я быстро поднялся на нужный этаж. Ещё немного попетляв по просторным охровым коридорам, я оказался у двери в палату Рины. Зайдя в нее, я застал спящего на небольшом диванчике Адриана и смотрящую мультсериал дочь.

Она лежала на большой больничной койке, укутанная розовым одеялом. На запястье ребенка красовалась больничная бирка бирюзового цвета со знаком биологической опасности. Ещё одно требование закона «Об информировании». Мультфильм шел без звука, но это не мешало ей восторгаться происходящим на экране.

Ближих окружали светло-желтые стены с яркими рисунками на них. Комната не очень походила на палату или медкабинет, что лично меня немного успокоило. Показалось, что все же то, что произошло, не настолько страшно, как я себе представлял.

– Па-а-па! – тут же громко пискнула дочь, сбросив одеяло и перекатившись через всю кровать.

– Эй, осторожнее! – все, что я смог сказать, поймав Рину.

Она улыбнулась, прижав ладошки к щекам, а потом, дотронувшись рукой до моего лица, произнесла:

– Па-апа, уто!

Я отметил влажные ладони, чему крайне удивился – в палате было достаточно прохладно и свежо.

– С добрым утром.

Всю ночь я молил святых о том, чтобы дочь сильно не пострадала.

– Эрик? – удивленно моргнул Адриан, проснувшийся от писка Риной.

– Прости, что так поздно, – виновато сказал я, держа дочь на руках.

Она же обнимала меня, словно ничего не произошло. Видимо, привыкнув к постоянным посещениям, Рина не воспринимала «Эверплейс» как пугающее или опасное место.

– Милая, думаю, тебе стоит ещё немного полежать. Потом мы пойдем играть в кубики.

На этих словах дочь вцепилась в меня со всей своей детской силой, не желая отпустить.

Усталый Адриан только и мог что вздохнуть и посмотреть на меня с неким укором. Наверное, только недавно смог уложить. Мой партнер выглядел разбитым, подавленным и очень перепуганным. Об этом говорила и его одежда, вся чем-то испачканная, и старый рюкзак цвета хаки.

Закрыв лицо длинными волосами, муж тяжело вздохнул, понимая, что моя работа не всегда могла меня отпустить.

– Что случилось? – спросил я, прижимая Рину к себе.

Было очень страшно узнать, что с дочерью случилось что-то серьезное. Это кошмар любого родителя! Оставалось только набраться мужества и выслушать Адриана.

Он ещё раз тяжело вздохнул и начал свой рассказ...

* * *

...Утром, во время прогулки в парке, к ним с Риной подошла девочка лет семи. Она хотела поиграть с «малышкой». Видимо девочке понравилась миловидная Рина с ее большими фиолетовыми глазами и темными волнами ухоженных волос. Адриан предупредил, что Рина болеет и в некоторые игры играть нельзя.

Подошедшая девчушка покивала, улыбнулась, обнаружив нехватку двух зубов, и снова спросила про игры. Девочка была опрятно одета, ее волосы были собраны милой резинкой с бантом. Непохоже было, что она собирается нам досаждать. Да и детская площадка для малышек была рядом.

Понимая, что для Риной это один из немногих случаев хоть с кем-то поиграть и пообщаться, Адриан попросил подождать его, а сам с дочерью на руках пошел искать мать незнакомки. Женщина нашлась в кафе неподалеку. Хотя из кафе открывался вид на детскую площадку, Адриану показалось, что сидящие в нем не интересовались происходящим на ней.

Незнакомка болтала со своими подругами, совершенно не обращая внимания на играющую поодаль дочь. Адриан спросил, не против ли мадам, если ее дочь поиграет с Риной. Предупредил, что у Риной ВМК и можно заразиться при контакте с кровью. Женщина только отмахнулась и продолжила общение. На всякий случай муж подошел к молоденькой официантке с пучком на голове и предупредил и ее.

Формально на этом закон «Об информировании» можно было считать соблюденным.

Вернувшись, Адриан не застал подошедшей девочки. Мужу показалось, что все позади и шанс упущен. Он извинился перед Риной и хотел уже уходить, как вдруг раздался вопрос:

– Дядя, ну что, можно с малышкой поиграть?

Что ж. Адриан ещё раз предупредил про игры и, только убедившись, что его поняли, отнес Рину к игровой зоне. Дочь, стоило ее отпустить, тут же поползла к небольшой горке, радостно издавая нечленораздельные звуки. Незнакомая девочка тоже подошла к горке и даже помогла нашей дочери взобраться наверх. Сам Адриан отошел чуть в сторону и стал смотреть за играми девочек.

Мы привыкли держаться немного в стороне от чужих детей, тем более когда никого кроме нас на площадке не было. И дело совсем не в нас. Дети не боялись, видя, что мы с дочерью. Скорее даже наоборот – обычно с нами вели себя достаточно развязно: мешали, приставали с глупыми вопросами, пытались сделать что-то Рине. Все же принцип: «Папа – это игра, а мама – нет» – по-прежнему оставался актуальным, благополучно пережив не одно столетие.

Все было хорошо – девочки покатались с горки, потом старшая осторожно перенесла нашу дочь на качели и стала качать. Адриан видел все это, не вмешиваясь. Только один раз попросил не качать Рину слишком сильно. Дочь всегда любила это. Она часто пыталась залезть на качели сама, что плохо получалось. Когда мы приходили на площадку, всегда первым делом несли Рину покачаться. Прошло достаточно времени, и пришла пора уходить.

Адриан подошел к девочкам.

– Нам с Риной пора, – сказал он, сняв дочь с качелей.

– Можно я вас провожу? – улыбалась незнакомка. – Она такая милая. Меня Эбби зовут, – наконец представилась она.

На этот вопрос подошла и мама девочки. Оказалось, что мать Эбби была совсем другая женщина – та самая официантка с пучком. Вчетвером компания направилась к выходу.

– Простите, – тараторила мать Эбби, постоянно держась за фартук. – Надеюсь, мы вам не доставили хлопот. Адриан на это отшутился, смутив женщину ещё больше. Остановившись, Адриан попросил Эбби подержать Рину, пока он поправит шнурки на кроссовках. Эбби кивнула. Девочка не вызвала каких-либо подозрений, и Адриану показалось, что ей можно доверять.

Поправив обувь, Адриан разговорился с новой знакомой. Общались они достаточно долго, и за приятной беседой не заметили, как Эбби стала теревить одежду взрослых.

– Эбби, я же говорила, что перебивать взрослых неприлично, – одернула официантка дочь.

Наконец раздался громкий крик Эбби, заглушивший голоса взрослых.

– Где Рина? – взволнованно спросил любимый, увидев, что девочка отошла и стоит в стороне, глядя куда-то вниз. Около выхода была небольшая лестница из бетона. Поняв, что произошло, муж кинулся к ней.

Рина лежала на газоне, чуть поодаль от бетонной дорожки, с широко раскрытыми глазами и странной улыбкой. Хоть крови не было. Спрыгнув вниз, Адриан быстро поднял дочь на руки. Она непонимающе уставилась на отца пустыми глазами, а потом ни с того ни с сего ее стошнило. Адриан тут же побежал к остановке автобуса, прижимая дочь к себе.

По дороге Рину тошнило ещё несколько раз, приходилось останавливаться у ближайшей урны, пока не прекращалась рвота. После последней такой остановки дочь разразилась громким плачем. Видимо, от шока до этого момента она не ощущала боли, пребывая в состоянии ступора.

Как добрался до госпиталя – муж не помнил, что было далее – тоже. Только раздавались всполохами голоса:

«Врача в четвертое отделение. Пациент с вирусом Мехони. Два года. Подозрение на черепно-мозговую».

– Что в результате? – спросил я, сев на кровать, пока Рина пыталась гладить меня по голове.

– Сотрясение мозга, – чувства Адриана металось между злостью на себя, грустью и сильным страхом за дочь. – Переломов нет, судя по рентгену. Сказали, что оставят ее в палате на несколько дней.

После полученной травмы нужен был покой, как позже рассказал мне Адриан. Медсестры в помощь моему партнеру принесли в палату карандаши и какие-то старые листы бумаги, на которых можно было рисовать. Рина, правда, считала иначе и почти всю ночь либо ныла, что ей больно, либо просилась пройтись, либо требовала поиграть с ней во что-то.

Вся эта ситуация слишком перевозбудила ее. Только под утро, укутавшись в одеяло, Рина стала смотреть свой любимый мультсериал, дав отцу хоть немного поспать.

– Милая, – спокойно повторил Адриан, встав с кресла, подойдя к нам и попробовав взять дочь на руки. – Давай ты немного поспишь, а потом мы поиграем.

– Не хосю! – недовольно сказала дочь. – Хосю папу!

В итоге три часа я провел с близкими. Первое время Рина не хотела меня отпускать, по-хозяйски обосновавшись у меня на плечах и обнимая меня за голову. Адриан предложил пройтись по этажу, заодно устроив и дочери небольшую экскурсию. Это была хорошая идея: в палате было тоскливо, хоть и уютно.

На этаже, как я и говорил ранее, была игровая зона, где Рина радостно отправилась играть с мягкими кубиками. Мы наблюдали за ней.

– Прости, что вчера не смог прийти, – мне было совестно, что не получилось провести даже остаток вечера вместе.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.